

АЛЕНА БЕЛОЗЕРСКАЯ

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

ДЕТЕКТИВНАЯ МЕЛОДРАМА

БЛИЗНЕЦЫ
СТРАСТИ

Опасные связи

Алёна Белозерская
Близнецы страсти

«ЭКСМО»

2012

Белозерская А.

Близнецы страсти / А. Белозерская — «Эксмо»,
2012 — (Опасные связи)

ISBN 978-5-699-70878-9

У Анны имелось все, о чем только можно мечтать: заботливый муж, очаровательный сын, любящая сестра и беззаботная жизнь жены дипломата в Вене. Казалось, счастье незыблемо, однако все разрушилось в один миг... Она должна была умереть, но выжила. Ошеломленная предательством близких, Анна едва не потеряла саму себя... Оставалось одно – вернуть то, что у нее отобрали, и отомстить тем, кто хотел от нее избавиться. Первым Анна решила покарать когда-то обожаемого мужа. Ради него она отказалась от человека, который любил ее больше жизни. И, возможно, любит до сих пор... Ранее роман Алены Белозерской «Близнецы страсти» выходил под названием «Своя-чужая жизнь, или Верни мою любовь» под псевдонимом Алена Винтер.

ISBN 978-5-699-70878-9

© Белозерская А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алёна Белозерская

Близнецы страсти

© Белозерская А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая

Глава 1

– Надеюсь, ты не станешь продавать эту квартиру?

Кирилл посмотрел на мать и улыбнулся выражению ее лица. Оно было растерянным, но явно не в результате заданного вопроса, а из-за сложности решения, заключавшейся в том, как уместить все наряды, которые она намеревалась взять в путешествие, в два огромных чемодана, уже наполненных до предела.

– Боишься, что у нас с Андреем ничего не получится и мне придется сюда вернуться?

– Нет, не боюсь. Но квартиру не продавай, даже когда переедешь к своему новому мужу.

– Не такой уж он и новый, – сказала Нина и рассмеялась. – Но не беспокойся, я не стану продавать квартиру. Подарки нельзя продавать. Их нужно выбрасывать или прятать в кладовку...

– Что, впрочем, одно и то же, – перебил Кирилл. – Мама, ты не раз говорила, что отец умел дарить подарки. Насколько я знаю, ты до сих пор пользуешься всем, что он тебе презентовал. Эта квартира – не исключение.

Смех Нины так же резко прекратился, как и начался, но Кириллу показалось, что он все еще летает в воздухе, иногда словно касаясь ее губ звуковыми волнами. Нина прикрыла глаза и наклонила голову, обдумывая слова сына.

– Герман умел дарить радость. Скучаешь по нему? – спросила она, и Кирилл понял, что этот вопрос Нина задала больше себе, нежели ему.

– Нет, – честно ответил Кирилл. – Уже нет.

– Лгун! – усмехнулась Нина и взяла сына под руку. – Перекусим?

– Ресторан? Или сами что-нибудь приготовим?

– Конечно, сами! – быстро ответила Нина, и Кирилл обреченно посмотрел на ее покрасневшие щеки, понимая, что его ожидает длинная лекция о здоровом домашнем питании, а также о вредности и ущербности общепита.

Самым смешным в этой ситуации было то, что Андрей – тот самый человек, за которого Нина вчера вышла замуж, – являлся успешным московским ресторатором. И все же обедать в заведениях Андрея мама категорически отказывалась, чем неизменно его обижала. Поначалу он злился и мстительно игнорировал ее домашние кулинарные шедевры. Подобная детская обида не производила на Нину никакого впечатления, она не изменила решения и мягко убеждала своего партнера, что готовит во много раз лучше его шеф-повара, специально выпитого из Италии. Даже Кирилл делал вид, что так оно и есть, однако, несмотря на это, он бывал частым гостем в самом крупном ресторане Андрея, именно в том, где демонстрировал свое искусство Марко Бальдуччи, хитроглазый худенький итальянец с волшебными руками и потрясающим чувством вкуса.

Кирилл задержался в уютной спальне, которая вдруг показалась ему чужой и незнакомой. Наверное, оттого, что в ней уже витал запах другого мужчины, повсюду находились его вещи, начиная от пузырька духов на туалетном столике и заканчивая джемпером, лежавшим на пуфе у двери. Любая мелочь напоминала о том, что Кирилл здесь – только гость.

Много лет назад, едва Кириллу исполнилось семь, они с мамой переехали сюда. Квартира показалась ему необычной и огромной из-за громадных окон, на которые никогда не вешали шторы, чтобы дать свету возможность проникать повсюду. В ней было всего три комнаты, одна находилась наверху, а гостиная и небольшая спальня – внизу. Конечно, были еще кухня и столовая, но Кирилл не считал эти помещения полноценными комнатами, так как проводил в них

мало времени. В основном он осуществлял налеты на холодильник и с подносом, полным еды, мчался в свою комнату, к компьютеру или к телевизору. Во времена учебы в школе Кирилл занимал спальню, находившуюся наверху, спустя годы в нее переехала мама, уже после того, как по решению отца его отправили продолжать учебу в Лондоне. Каждый раз, приезжая в Москву на каникулы, он радовался, что наконец оказался дома. Но год тому назад, окончательно вернувшись в Россию, он понял, что на самом деле приезжал в гости, а настоящий дом остался там, где прошли последние восемь лет его жизни.

Кирилл скучал по Лондону, по своей привычной и шумной жизни, по друзьям, которых ему очень не хватало здесь. Но еще больше он тосковал по отцу, хотя и стеснялся этого чувства. Их отношения никогда не были близкими, наоборот, они редко виделись, а при встречах много молчали, не зная, что сказать друг другу. И тем не менее Кирилл хотел вернуться в те холодные минуты их общения, хотя бы для того, чтобы лучше запомнить отца. Необязательно было в чем-либо признаваться, говорить пустые слова, давать обещания – все это было лишним. Зато за пять минут пристального внимания со стороны отца, результаты которого надолго отложились бы в его памяти, он готов был поступиться многим.

Герман Юманов – отец Кирилла – умер чуть больше года тому назад. Никто и не предполагал, что находящийся в прекрасной физической форме мужчина пятидесяти четырех лет неожиданно скончается от инсульта. Более глупую и нелепую смерть сложно было представить, но еще больше удручал тот факт, что умер он в ванне, в абсолютно непрезентабельном виде. Хорошо, что обнаружила его Вероника – жена отца, а не домработница. Отец никогда не допускал ситуаций, в которых он мог показаться смешным, однако смерть с насмешкой доказала ему, что не все конфузы можно предусмотреть или избежать. И вот он, крупный российский промышленник, голый, в неловкой позе, делает последний вздох в пузырьках воздуха в джакузи – разве это не издевка? Кирилл много раз задавал себе этот вопрос и каждый раз неизвестно у кого интересовался: почему отцу не дали умереть в постели? Также ему хотелось понять, отчего им так и не удалось стать настоящей семьей.

Думая о своих детских годах, Кирилл с трудом находил в памяти скудные сведения об отце, которого почти не помнил, так как после развода с матерью Юманов был редким гостем у них дома. Только в подростковом возрасте их общение приняло иной характер: оно не стало близким, зато принесло Кириллу немало хлопот. Дело было в том, что бизнес отца, ставший камнем преткновения между ним и матерью, начал приносить приличный доход. Это быстро сказалось как на самом Юманове, так и на его единственном сыне. Кирилл с недовольством вспомнил, как его, любителя футбола и яростного противника всего того, где нужно было проявлять усердие и настойчивость, отправили в престижную школу с углубленным изучением английского языка. Далее последовали занятия с частными преподавателями, униформа, машина с водителем, от которого невозможно было скрыться, чтобы прогулять школу, отказ от футбола, любимой музыки, учеба в Лондонской школе бизнеса – в общем, четкое соблюдение плана, который был расписан отцом по пунктам. Мнение самого Кирилла при этом не учитывалось, никто не интересовался, чем парень желает заниматься. Подобные вопросы не возникали, так как все ответы уже давно лежали на поверхности. Кирилла Юманова с детства готовили к тому, чтобы продолжить бизнес отца, и, как он ни сопротивлялся, смерть отца поставила точку в этом многолетнем споре. Юманов-старший выиграл: с сообщением о его кончине совет директоров настоятельно рекомендовал Кириллу Юманову как можно быстрее приступить к управлению компанией «Юма», находившейся в неустойчивом положении без мудрого руководства Германа Савельевича.

Часто Кирилл спрашивал Нину о том, почему они с отцом разошлись. Мама с улыбкой отвечала, что не выдержала конкуренции с детищем отца, уж слишком цепкой оказалась «Юма», которой отец посвящал все свое время. И тем не менее Нина знала, что только благодаря прибыли, которую получала компания, они с Кириллом имели возможность проживать в

шикарной квартире в центре города, одеваться в дорогих магазинах и путешествовать тогда, когда пожелают. Подобным образом жизни они были обязаны отцу, который в отличие от своей бывшей жены, праздно прожигавшей деньги, а также сына, обиженного тем, что его заставляют учиться, вынужден был двадцать часов в сутки уделять внимание работе. «Юма» входила в тройку крупнейших российских продовольственных компаний, что с гордостью любил повторять Герман Юманов. Еще несколько лет тому назад Кириллу в это мало верилось, но после того, как он столкнулся с деятельностью этого мощнейшего закрытого акционерного общества, настоящие масштабы производства весьма его впечатлили. Удивлял и тот факт, что отец из одного молочного завода, который приносил больше убытков, чем прибылей, выстроил доходную империю. Тогда, на заре девяностых, Юманов-старший не имел ничего, кроме жалкой фермы в Подмосковье. Теперь же «Юма» владела сорока двумя предприятиями, выпускающими молочные продукты, соки и минеральную воду, а также центрами продаж более чем в тридцати городах России. Кроме того, компании принадлежали торговые марки напитков, названия которых у всех были на слуху. Таким образом, удачливый бизнесмен при поддержке друзей, выгодном стечении обстоятельств и, главное, отчаянном трудоголизме, стоившем ему семьи, смог воплотить свою главную мечту – стать независимым и богатым человеком.

Но теперь вся ответственность за компанию легла на плечи Кирилла, совершенно не подготовленного к управлению таким огромным бизнесом. Конечно, ему помогали сотни людей, имена большинства которых он с трудом пытался запомнить. Все уже давно было «поставлено на рельсы», оставалось лишь грамотно направлять локомотив, что получалось у Юманова-младшего очень неплохо, учитывая отсутствие у него опыта в подобной деятельности. Еще год тому назад он жил в Лондоне, снимая с друзьями небольшую квартирку в Пэддингтоне, и мечтал учиться в Королевском колледже музыки, а не в бизнес-школе. А сейчас каждое утро он едет в офис компании, простаивает в пробках, читает и подписывает сотни бумаг, возвращается один в пустую отцовскую квартиру, которая уже целый год является его домом, и мучается от нестерпимого чувства отчаяния, потому что ему приходится тащить на себе чужую мечту. Будь такое возможным, Кирилл уже давно продал бы компанию и вернулся в Лондон, продолжив заниматься любимой музыкой. К сожалению, подобной опрометчивости совет директоров никогда не допустит. Впрочем, если бы акции компании принадлежали только ему, он непременно осуществил бы свое желание уже тогда, когда вступил в права наследования. Но, к несчастью, ему достались в наследство только пятьдесят процентов, которые он не решался выставить на торги, еще двадцать – совладельцам компании, друзьям отца, которые когда-то помогали ему налаживать бизнес, вкладывая в него свои личные финансы, оставшиеся же тридцатью процентами владела вдова отца – Вероника.

Положение молодой женщины до сих пор оставалось животрепещущей темой в разговорах сотрудников компании. Но больше всего ею интересовались совладельцы и партнеры, которым не давало покоя богатство, доставшееся женщине после смерти мужа. Ко всему прочему дамочка свела все контакты с советом до минимума: на совещаниях не присутствовала, в управлении не участвовала, однако не забывала пользоваться огромными суммами, которые с регулярным постоянством переводились на ее счета. Сам Кирилл после похорон отца видел Веронику лишь дважды, собственно, в день похорон и когда они оба вступали в права наследования. Кирилл сморщился, вспомнив, что правление давит на него, заставляя выкупить долю мачехи. Он не сопротивлялся их желанию, соглашаясь, что акции компании отца должны вернуться в семью. Препятствие заключалось в том, что Вероника ни с кем не выходила на связь. Создавалось такое впечатление, будто она намеренно прячется от директоров «Юма», чтобы еще больше подогреть интерес к своей персоне и тем самым увеличить сумму, которую те готовы были предложить за ее акции. Как ни пытался Кирилл отыскать ее, ничего не получалось. Женщина избегала общения. И все же Кирилл понимал, что он сделал не все, раз госпожа

Юманова продолжала оставаться вне поля его видимости. Сегодня он намеревался изменить тактику, которая заключалась в привлечении к поискам Вероники третьего лица.

– Кира, ты уснул?

– Уже спускаюсь! – Перепрыгивая через ступеньки, Кирилл помчался вниз. – Знаешь, мама, – извиняющимся тоном произнес он, – к сожалению, у меня совершенно не осталось времени на обед.

Нина расстроено опустила плечи.

– Может, вечером увидимся?

– Мама, вечером ты будешь укладывать чемоданы. Завтра вы с Андреем улетаете. Поэтому мы увидимся, когда вы вернетесь.

– Я буду скучать. – Нина с любовью посмотрела на сына.

– А вот я не скучал бы на твоём месте. Нашёл бы занятие намного интереснее, чем размышления о взрослом сыне и том, как у него обстоят дела.

Он уже направился к двери, как вдруг Нина потянула его за рукав.

– Кира, стой, – попросила она. – Я чувствую, что ты приезжал вовсе не для того, чтобы попрощаться со мной и пожелать нам всего наилучшего в поездке. Что-то произошло, дорогой?

– Все в порядке, – Кирилл внутренне улыбнулся тому, как хорошо мама знает его. – Ничего важного.

– Знаешь, бросай к чертям эту компанию и улетай вместе с нами! А ещё лучше, лети туда, куда сам пожелаешь, где тебе будет хорошо. Я ведь не глупая, вижу, что ты занимаешь не своё место. Тебя тяготит нынешнее положение...

– Ты ошибаешься, – попытался опровергнуть слова Нины Кирилл, но это получилось неубедительно.

– Нет, не ошибаюсь.

– Мама, – решительно повысил голос Кирилл, – достаточно увещаний! Тебе прекрасно известно, что я не оставляю компанию отца. Во всяком случае, не сейчас.

* * *

В офисе Кирилл расслабил узел галстука, расстегнул верхние пуговицы на рубашке и устало опустился в кресло. После общения с матерью он всегда чувствовал себя разбитым, словно она забирала часть энергии, которую против него же и использовала. Нина никогда не упускала случая сказать сыну, что он пытается «примерить на себя чужой пиджак». Это была её излюбленная фраза, и ещё при этом она детально расписывала, чем именно заканчиваются подобные эксперименты, когда человек занимается нелюбимым делом. Да, даром красноречия она явно не была обделена, так как после этих разговоров Кирилл ощущал себя неудачником, чья жизнь закончится в психиатрической клинике. Но он не мог не признать, что в словах Нины было много правды. Он также знал глубоко несчастных людей, волей обстоятельств вынужденных делать то, что им не по душе. Рано или поздно все они пересекали границу, за которой начиналось уныние и отчаяние. С другой стороны, Кирилл не был угнетён жизнью, доставшейся ему в наследство после смерти отца, но она очень отличалась от его привычного состояния: в ней было слишком много ответственности, занятости и стабильности, плавно перетекающей в рутинность. Кирилл уже забыл, когда он в последний раз посвящал время конкретно себе, потому что каждую минуту уделял работе. Случалось и такое, что даже во сне он продолжал решать производственные вопросы, назначал встречи и проводил собрания. После такой иллюзорной деятельности он просыпался злым и усталым. В эти минуты его часто охватывало желание оставить все и сбежать. Он готов был уйти из квартиры отца в одних джинсах и рубашке, без денег и других средств к существованию, лишь бы только подальше убраться из Москвы и, главное, прочь от нелюбимого офиса.

Кирилл часто представлял, как сложилась бы его жизнь, если бы отец был жив. Конечно же, он все равно привлек бы единственного сына к управлению компанией, но лучше бы это случилось попозже. Наверняка сейчас Кирилл занимался бы тем, что любил больше всего, – музыкой. Он с нежностью вспоминал дни, когда с друзьями, оставшимися в Лондоне, отбивал ритм в той конуре, которую они называли студией. Сейчас их маленькая группа поймала волну успеха и записывала свой первый альбом, но уже без него. Ребята часто ему звонили, уговаривая вернуться, но он отвечал им то же, что и матери: «Простите. Возможно, позже, но не сейчас». Потом приходил вопрос, когда настанет это «позже», и его разочарованный разум не находил ответа. Вернее, Кирилл знал ответ, но боялся произносить его вслух. «Позже» не наступит никогда, так как невозможно быть сыном владельца продовольственной компании и ее новым хозяином и одновременно мечтать о карьере рок-звезды.

Так случилось, что ноша, которую отец взвалил на него, оказалась слишком тяжелой. В двадцать пять лет мечтаешь не о скучной жизни управляющего, который только и думает о прибыли, а о сладости мировой известности. Во всяком случае, Кирилл считал себя обманутым, потому что все его мечты звонко разбились, как стекло, столкнувшись с непробиваемой броней реальности. И хотя многие отдали бы половину жизни, лишь бы оказаться на его месте, сам Кирилл никому не пожелал бы такого, зная, как «чужой пиджак» жмет на плечи и не дает дышать, сдавливая грудь.

Задумавшись, он не услышал, что телефон на столе настойчиво требует ответа, и с удивлением посмотрел на заглянувшую в кабинет Марию Дмитриевну, секретаря отца, которая так же, как и все остальное, досталась ему в наследство. Заняв пост управляющего, Кирилл не стал делать кадровые перестановки, посчитав, что отец уже давно распределил роли между сотрудниками и сделал это с максимальной выгодой для себя и компании. Сотрудники с облегчением вздохнули, догадавшись, что их благополучию ничто не угрожает, и, к счастью для Кирилла, помогли ему безболезненно влиться в общую деятельность. Во всяком случае, внешне господин Юманов производил впечатление уверенного в себе молодого человека, который с готовностью принял в свои руки бразды правления. Ни один человек не знал, что на самом деле творится в душе у хозяина, да и Кирилл не намерен был демонстрировать посторонним свой внутренний разлад. Поэтому в глазах всех он выглядел человеком жизнерадостным, талантливым и деятельным, достойным продолжателем начинаний Германа Савельевича, о котором до сих пор многие скорбели, вспоминая его теплым словом за чайными посиделками.

– Кирилл Германович, у вас все в порядке? – вежливо, но с нотками беспокойства в голосе поинтересовалась долговязая Мария Дмитриевна.

– Да. – Кирилл потянулся к бумагам на столе, стараясь создать видимость занятости.

Мария Дмитриевна улыбнулась, довольная его ответом, и сделала несколько шагов по направлению к столу Кирилла. Она была такой тощей, что каждый раз создавалось впечатление, будто ее тело сразу раскрошится от любого неосторожного движения. Однако эта хрупкость была лишь внешней. Кирилл не раз бывал свидетелем ее недюжинной силы, когда она таскала неподъемные по весу папки с бумагами или двигала мебель в своем кабинете, что женщина проделывала с завидной регулярностью, так как обожала перемены. Каждый раз, не обнаружив ее стола на положенном месте, Кирилл удивлялся, но Мария Дмитриевна доходчиво объясняла, почему он на сей раз стоит у окна или плотно придвинут к стене, разглагольствуя об энергетических токах, которые либо способствуют, либо мешают работе.

– Герман Савельевич внимал моим советам, – добавляла она, но Кирилл, услышав это утверждение, сомневался в душе.

В очередной раз, глядя на то, как она ловко перемещает книжный шкаф в «зону комфорта», он злобно порекомендовал ей прекратить эти фэншуйские эксперименты. Угроза, прозвучавшая в его голосе, подействовала, и с того момента Мария Дмитриевна перестала раздражать его и всех остальных своими эзотерическими заморочками.

– У вас назначена встреча с господином Саяновым, – напомнила она.

– Он уже здесь?

Мария Дмитриевна утвердительно кивнула:

– Пригласить?

– Разумеется.

Он проследил за тем, как ее сухая фигура исчезла за дверью, поднялся и перешел в ту часть кабинета, где отец встречал особых гостей. В затененном углу комнаты находились два мягких дивана, за которыми было удобно вести теплые беседы, а между ними – стеклянный столик, где обычно стоял поднос с напитками и закусками. Менее почетных посетителей отец принимал у рабочего стола, поэтому попасть в категорию тех, кого встречают в дальней части кабинета, отгороженной от остального пространства матовой стеклянной стеной, считалось очень престижным.

Кирилл пожал руку вошедшему в кабинет Лене Саянову. Тот быстро направился к диванам, так как уже давно привык к тому, что беседы с ним проходят в уютной обстановке. Леня Саянов не был сотрудником компании, но его услугами пользовались многие из тех, кто ею управлял. Не далее как неделю тому назад первый помощник Кирилла, Борис Семенович, с горечью поведал друзьям о своей дочери, бросившей семью и укатившей с любовником на какие-то острова, где беглянку и обнаружил Саянов и с позором вернул мужу. В общем, Саянов являлся решением всех проблем, которые иногда случаются у сильных мира сего, и именно его поддержкой намеревался заручиться Кирилл. Ему была необходима помощь в поисках Вероники Юмановой, которая – по известным только ей причинам – отказывалась от встреч.

– Выпьешь что-нибудь? – спросил Кирилл.

Их общение было по-дружески теплым, и часто они, на правах близких приятелей, позволяли себе некоторые фамильярности. Кирилл вспомнил, как однажды решил пойти наперекор отцу, бросил учебу в Школе бизнеса и уехал с девушкой, которую тогда любил, в ее родной Рио. Идиллия эта закончилась с приездом Лени, потом последовал жесткий разговор с отцом, слезы девицы и бесславное возвращение сына предпринимателя в Лондон.

– Чаю, – коротко ответил Леня, который всегда отказывался от алкоголя.

Мария Дмитриевна быстро выполнила его пожелание и через несколько минут принесла поднос с дымившимися чашками и сладостями.

– Здесь все, что мне известно о Веронике. – Кирилл указал на папку, которую он предусмотрительно положил на диван, где сидел Леня.

Тот шумно отхлебнул из чашки и с грохотом поставил ее на поднос, взял папку и быстро пробежался глазами по листку бумаги, содержащему скудные сведения о госпоже Юмановой. Потом он долго смотрел на ее фотографию, вынутую из рамки. Снимок когда-то стоял на отцовском столе. Тонкие пальцы цепко держали снимок, словно Леня всей кожей пытался прочувствовать, где в этот момент находится Вероника.

– Ты был с ней знаком? – спросил Кирилл.

– Видел лишь однажды, до того, как она вышла замуж за твоего отца, – ответил Леня, отложив фото в сторону. – А теперь расскажи, что тебе о ней известно.

– Там все написано, – Кирилл ткнул пальцем в листок бумаги.

– Я уже прочитал сей опус, – согласился Леня, и черные глаза его заискрились весельем. – Это ведь не твои сведения, не так ли? Машка писала?

– Мария Дмитриевна? – переспросил Кирилл, воскресив перед глазами сухую фигуру секретаря, которую, как только что выяснилось, можно было называть не только по имени-отчеству. – Она самая, – признался он. – Но, Леня, я не знаю, что сказать. Я ее плохо знаю, вернее, совсем не знаю. И о ее семье мне мало известно. Только то, что у нее есть сестра... Анной зовут, и что она – жена дипломата. Что они родом из Сочи. Еще знаю, что Вероника

работала здесь, в компании отца. С кем она дружила? Без понятия. Чем занималась, когда оставила работу? Тоже неизвестно. Повторяю, мы не общались.

– А зачем она понадобилась тебе сейчас?

– Какая разница? – улыбнулся Юманов и с удовольствием посмотрел на белые зубы своего собеседника. – Хочу вернуть то, что принадлежит только мне.

– А-а, – протянул Ленья и оперся спиной о мягкую спинку дивана. – Активы? Все пройдет на официальном уровне? Или ты желаешь отыскать мачеху, чтобы тихо избавиться от нее?

– Ленья, ты забываешься, – начал было Кирилл, но быстро понял, что под шуточной манерой вести разговор на самом деле таится серьезность. – А если желаю избавиться? Намерен помочь мне?

– Нет, здесь я пас, – причмокнул губами Ленья и, хлопнув себя по бедрам, поднялся. – Сообщу, когда что-нибудь откопаю. И еще: куда ты пропал в последнее время? – с коварной улыбкой спросил он. – Не звонишь, не пишешь... Увлёкся кем-то?

– Просто был занят, – в том же тоне ответил Кирилл. – Жду новостей.

После ухода Лени он еще некоторое время сидел на диване, глядя прямо перед собой. Неужели он действительно подумал, что Кирилл собирается устранить мачеху, лишь бы вернуть акции? Наверное, со стороны все так и выглядело, раз Ленья задал этот вопрос. Где-то в глубине души у Кирилла появилось недовольство собой, в особенности тем, что кто-то посмел поставить оценку его поведению, неверно интерпретировав его действия. Кирилл взял в руки фото и вгляделся в холеное лицо мачехи. Она была лишь на несколько лет старше его, красивая улыбчивая блондинка с приятным голосом и такими же манерами. Кирилл не мог сказать о ней ничего плохого, потому что она была всегда мягкой и приветливой. Вероника производила впечатление веселой особы и обладала прекрасным чувством юмора. Она много смеялась, и ее смех был ярким и зажигательным. Кирилл знал, что отец любил эту женщину. Более того, он был счастлив с ней. Тогда почему же она отказывается от встреч? Ведь они с Кириллом никогда не ссорились и тем более не испытывали друг к другу неприязни? Подобные вопросы оставались для молодого бизнесмена загадкой, но он надеялся, что благодаря усилиям Лени Саянова ситуация в скором времени разрешится.

Глава 2

Самое лучшее время года в Вене – это весна. В середине мая в воздухе чувствуется столько любви, что дух захватывает! Хочется непременно прикоснуться к этому чувству или по меньшей мере пофлиртовать с каким-нибудь красивым мужчиной, который дарит тебе улыбку, просто проходя мимо. В июне любовь все еще продолжает волновать сердце, в июле действие ее ослабевает, романтика незаметно испаряется, а в августе весь чувственный азарт исчезает, уступая место мудрой осени, призывающей разумно смотреть на отношения. Госпожа Романова, одиноко сидевшая на скамейке перед собором Святого Карла, как никогда раньше ощущала пустоту в душе. Был ли тому виной холодный август или ее терпящий крах брак, она не могла признаться себе, да и не хотела, потому что ответ был очевиден и отзывался болью в каждой клеточке ее тела. Она задумчиво потирала озябшие руки и изредка смотрела на блестящий в лучах восходящего солнца собор, решая – войти ли внутрь или же остаться на свежем воздухе? Наконец она поднялась, отряхнула измявшийся плащ и медленно побрела по дорожке, радуясь, что вокруг нет прохожих.

Как всегда, собор поразил ее своим убранством и атмосферой спокойствия. Несмотря на то что храм находился недалеко от технического университета и являлся приходской церковью для студентов, самих студентов здесь никогда не бывало. Вернее, они появлялись в этом тихом месте только тогда, когда обращение к богу оказывалось последним средством в системе устранения какой-либо сложной проблемы. Именно отсутствие людей привлекало сюда госпожу Романову, которой в тиши огромного помещения удавалось побыть наедине со своими мыслями. В бога она не верила и приходила в собор лишь для того, чтобы отвлечься от жизненных перипетий жены дипломата, помолчать, обдумать план действий на предстоящий день, решить, какие покупки стоит сделать и как развлечь себя и сына. В том, что муж снова задержится в посольстве, она не сомневалась, поэтому программа на вечер ей предстоит такая же, как и в предыдущие дни: ужин, прогулка, чтение сказки Александру перед сном, потом бокал вина и скучные часы перед телевизором, в ожидании, когда ключ в замке повернется и на пороге покажется Влад. Одно радовало: жили они не на территории посольства, как большинство семей дипломатов, а в уютной квартире, расположенной в третьем районе Вены, пусть и недалеко от самого посольства, но все же за его пределами. Жены дипломатов ненавидели чету Романовых за то, что те ютились не в посольском комплексе, который напоминал шумное общежитие, а обитали в центре столицы. Они были своего рода отщепенцами, «аристократами» дипломатии, отчего за их спинами многие злобно шептались, но мило улыбались им в лицо. Полные радужных надежд, новоиспеченные жены молодых атташе, садясь в самолет, который уносил их в первую заграничную командировку, мечтали о блистательных приемах, встречах с министрами и президентами, светских беседах с высокими гостями и о многих других атрибутах, присущих высшему кругу дипломатических работников. Всех дамочек, грезивших о шикарной жизни этой привилегированной касты, ожидало горькое разочарование. Вечерние туалеты грустно пылились в шкафу, сумочки и туфли медленно выходили из моды, ни разу не продемонстрированные публике, легкие беседы с президентами и министрами проигрывались только в мечтах и разговорах с такими же подругами по несчастью. В реальности оставались домашние хлопоты, ужины в кругу семьи и сплетни, которыми очень славились супруги своих «важных» и вечно занятых мужей. О великосветских вечеринках и приемах уже никто и не вспоминал, потому что приглашали на них в основном посла и советников. Женам этих господ везло, так как они имели возможность бывать со своими мужьями на фуршетах и обедах. Остальным, чьи мужья еще не доросли до высших рангов, оставалось лишь мычать от зависти и ожидать ежегодного бала, который устраивало их собственное посольство. Обманутые

несбыточными надеждами, жены дипломатов томились от скуки, превращая замкнутый мир таинственной посольской жизни в рассадник сплетен, ссор и интриг.

Госпоже Романовой приходилось часто бывать на территории посольства, так как ее связывали тесные отношения с первой дамой, за глаза ласково именуемой «сукой-императрицей» – женой посла. Большая часть корпуса ненавидела и боялась «императрицу», так как Дарья Максимовна имела большое влияние на мужа. С этой гранд-дамой предпочитали не ссориться, наоборот, ей льстили и заискивали перед ней, при этом коварно обсуждали ее личность в частных беседах. О подобном к себе отношении Дарье Максимовне было известно, однако, будучи интеллигентной и образованной особой, первая леди посольства никогда не опускалась до интриг и не интересовалась сплетнями. Пожалуй, единственная из всех жен дипломатов она вела активную жизнь, изучала культуру государств, в которых побывала вместе с мужем, говорила на шести языках и была необычайно интересным собеседником. Она любила Анну Романову, напомиравшую ей старшую дочь, оставшуюся в России, приглашала ее на званые вечера и обеды, поощряла, когда та интересовалась политикой и наукой дипломатии, и всячески наставляла, так как видела в этой женщине потенциал, который свойственен лишь некоторым представительницам прекрасного пола – будущим первым леди. А когда сестра Анны Вероника подарила Романовым квартиру в Вене, Дарья Максимовна помогла уговорить чрезвычайного и полномочного дать им разрешение на проживание вне стен дипломатического корпуса. Одновременно с переездом Романовым был вынесен молчаливый «смертный» приговор от имени всех тех, у кого не было возможности жить за периметром, кто был ниже их по рангу и пробивался в жизни самостоятельно, без помощи могущественной родни. Влад Романов принадлежал к семье с громкой дипломатической фамилией, его дед служил на благо Родины во многих странах мира, отец его также сделал блестящую карьеру и, к ядовитой зависти злопыхателей, был недавно утвержден на должность заместителя министра иностранных дел. Об этом сплетничали не переставая, считая Влада обычной бездарностью, выезжающей вперед за счет многочисленных связей папашы.

Конечно, во всем этом была огромная доля правды. В дипломатии, как и в любой другой сфере, категорически важны личные связи. Имея нужных родственников, можно быстро подняться вверх по служебной лестнице и за короткий срок заслужить положение, на достижение которого у любого другого, не «блатного» дипломата, ушло бы как минимум в два раза больше времени. Так, Влад в свои двадцать девять лет был самым молодым первым секретарем первого класса. Неслыханная наглость! Разумеется, тут постарался его отец, решивший во что бы то ни стало помочь сыну как можно раньше стать чрезвычайным и полномочным послом в одной из европейских стран. Все это позволяло Анне Романовой выделяться на фоне своих «подруг». В отличие от других ей не нужно было получать разрешение, чтобы выйти в город, она посещала все светские мероприятия, на которых бывал ее муж, а это случалось почти каждую неделю, она водила знакомства с министрами, послами и советниками других государств. Ко всему прочему, она часто меняла туалеты, ездила на личной машине без положенного сопровождения, а также регулярно обедала с чрезвычайным и полномочным и его супругой.

В общем, Анна Романова раздражала весь дипломатический корпус своим привилегированным положением. Она редко заходила в посольский комплекс, где были расквартированы семьи «низших» дипломатов, общалась только с теми, кто имел высокий ранг, за что младший состав прозвал ее «задирой и дрянью». Дипломаты высшего ранга и их семьи имели собственное жилье в городе, именно с ними и дружила госпожа Романова, не считая нужным опускаться до уровня «послиц», как между собою жены старших дипломатов называли супруг атташе и вторых секретарей. Причем первую букву слова они часто опускали, что недвусмысленно говорило об их отношении к представительницам данной категории. Анне было жалко тратить время на выслушивание сплетен о жене первого советника, которая набрала за последние полгода десять килограммов, об аморальном поведении дочери посла, тайно от отца сделавшей

аборт, о похождениях чужих мужей и об их любовницах. Все эти «интересные» новости подавались вперемешку с новыми рецептами какого-нибудь очень вкусного пирога, с разговорами о средствах, которые «прекрасно выводят пятна с рубашек», о беспрецедентных скидках и о многом другом, вызывавшем у нее зевоту и изжогу.

Супруга дипломата Романова избежала и бремени домашних хлопот. По дому им помогала Хельга, приходящая дважды в неделю. В обязанности этой молчаливой и трудолюбивой женщины входили уборка и стирка, поэтому ей ничего не было известно о последних тенденциях в сфере бытовой химии. За сыном Александром в первой половине дня присматривала няня, а хозяйка в это время посещала спортивный зал, раз в неделю – салон красоты, встречалась с женой посла за чашкой кофе, прогуливалась по любимым магазинам. Каждый день до обеда она была свободна и предоставлена только себе. Это несколько украшало ее спокойную и отчасти скучную жизнь. Огорчало лишь постоянное отсутствие мужа. Если бы его занятость была связана с работой, тревоги не возникло бы. Через это проходят все жены дипломатов, но Влад не был так уж сильно занят в корпусе, как утверждал. Пришлось ей ненавязчиво поинтересоваться у жены посла, чем чрезвычайный так нагрузил ее мужа, из-за чего тот практически перестал бывать дома. Дарья Максимовна снисходительно похлопала госпожу Романову по руке, а затем и вовсе легонько обняла ее, что позволило Анне сделать правильные выводы. Все говорило о том, что Влад вернулся к своим старым привычкам. Осталось только поинтересоваться у него самого, с кем он развлекается на стороне на этот раз?

Женщина со вздохом поднялась с молитвенной скамейки и медленными шагами направилась к выходу. У самой двери она обернулась и с отчаянием посмотрела на пресвитерий, перевела взгляд на неугасаемую лампаду, в которой мягко играл, плясал тонкий огонек, и подавила желание вернуться к скамье, преклонить колени и в первый раз в жизни помолиться. Вместо этого она выбежала на улицу и с жадностью вдохнула холодный воздух. Перед глазами у нее все плыло от слез, ошеломивших и разозливших Анну своим внезапным появлением. Женщина дотронулась до мокрых щек и, тихо выругавшись, побежала к машине, припаркованной неподалеку от собора, в почти безлюдном переулке.

Влад приехал домой поздно. За время его отсутствия она успела накрутить себя до такой степени, что готова была перевернуть всю Вену, каждое значное место, только бы отыскать мужа и выцарапать глаза ему и девице, с которой он ей изменяет! Прийти в себя ей помог сын, внезапно заплакавший. Двухлетний ребенок понял, как можно исправить ситуацию: он просто перевел внимание кипевшей от гнева мамы на себя, заставив ее отвлечься от мрачных мыслей. Осознав, что пугает ребенка, она быстро успокоилась и, несмотря на позднее время, одела Сашу потеплее и отправилась с ним на прогулку. Как всегда, сын уснул на свежем воздухе, а она продолжала гулять по тихим улочкам. В последнее время Саша много капризничал, звал папу, который не уделял ему внимания, доводил няню до оцепенения своими истериками. Анна предполагала, что таким образом ребенок реагирует на разлад в отношениях родителей, поэтому всеми силами старалась оградить его от скандалов с мужем. Ругались они вполголоса, но чаще всего Влад избегал ссор, просто уходя из дома, а это злило ее еще больше, чем если бы он оправдывался или отвечал грубостью. Молчаливое игнорирование проблемы в отношениях убивало ее, и она не знала, с какой стороны подойти к Владу, чтобы вызвать его на откровенный разговор. В последние четыре дня они и вовсе не разговаривали, а что уж говорить о проведенных вместе ночах! Она и забыла, когда видела мужа в своей спальне.

Саша проснулся как раз в тот момент, когда она подвезла коляску к дому, и попросился на ручки. Женщина с легкостью подхватила мальчика и принялась целовать его, отчего он заливисто засмеялся, стараясь увернуться от ее теплых губ. Черные кудрявые волосы растрепались по плечам ребенка, и она с любовью убрала их в сторону. С нежностью она дотронулась до мягких пухлых щек, пробежалась подушечками пальцев по гладкому лбу, восхищаясь беззащитностью и красотой своего мальчика. Саша замер на мгновение, позволив матери ярко

прочувствовать близость, связывающую их, потом нахмурился и потребовал, чтобы его опустили на тротуар. Анна посмотрела вверх на темные окна и едва слышно вздохнула: муж все еще не появился. Дверь в подъезд ей помог открыть любезный сосед с четвертого этажа, и даже поднял коляску к лифту.

– Vielen Dank, Herr Broch¹, – поблагодарила она молодого человека, который уже не в первый раз оказывал ей знаки внимания.

На этом любезности закончились, парнишка застенчиво опустил глаза, сраженный ее низким, влекущим голосом, и быстро убежал, заставив Анну улыбнуться.

В квартире, подаренной им Вероникой, они жили уже почти целый год. Просторная и уютная, она отвечала всем требованиям госпожи Романовой: находилась близко к центру, поблизости имелось все необходимое для комфортной жизни – аптеки, супермаркеты, детский сад, в который в следующем году пойдет Саша, рестораны, кафе, магазины. Кроме этого, от дома до сада Бельведер, где они часто гуляли с сыном, было всего лишь пять минут ходьбы. Конечно же, она не отказалась бы от жилья в первом районе Вены – в самом престижном месте города, но стоимость квадратного метра жилья в этом статусном месте начиналась с кругленькой суммы, а заканчивалась, как говорили коренные жители Вены, в бесконечности. Поэтому от апартаментов класса люкс в старом городе им пришлось отказаться. Тем более что квартира у Бельведера полностью Анну устраивала. Три спальни, просторная кухня-гостиная, две ванные комнаты и большой холл – многие из «послиц» с ума сошли бы, увидев место, где она живет. Романова никого из корпуса не приглашала в гости, только жену чрезвычайного. Остальных она держала далеко от их семьи, не допуская в свою жизнь никого, запрещая все разговоры о личном. О совместных посиделках с дамами за бокалом вина также не могло быть и речи, ибо они предполагали некую дружественность в отношениях, а устанавливать с кем-либо теплые контакты ей не хотелось.

В квартире она сняла с Саша курточку, и тот быстро помчался в свою комнату за любимой игрушкой. Вскоре он появился в холле, волоча за собой огромного медведя, с которым не расставался последние несколько дней. Этот подарок он получил от Дарьи Максимовны и очень обрадовал женщину, когда принялся с восторгом обнимать сначала нового друга, а потом и саму дарительницу. Через несколько часов Саша уснул, Анна отнесла его в кровать и еще долго сидела возле уснувшего мальчика, слушая его тихое дыхание. Осторожно гладила маленькие пальчики, целовала их и думала о том, что в этом мире только присутствие Саша делает ее счастливой.

Прикрыв дверь в комнату, она прошла по пустой, окутанной тишиной квартире. Город за окном погружался в сон, веки женщины налились тяжестью, но она не хотела одна ложиться в постель. Решила непременно дождаться возвращения мужа. Чтобы скрасить ожидание, она открыла бутылку белого вина, включила телевизор и даже не заметила, как уснула с бокалом в руке. И все же сон ее был чутким: едва лишь в холле послышался легкий шорох, как она быстро встрепенулась и поднялась.

Дверь в комнату сына была открыта, и она заглянула внутрь. Влад сидел на корточках у кровати Саша. Выглядел он расстроенным, к тому же был пьян. Гадкий запах убойной дозы спиртного разлился по комнате, отчего женщина в отвращении передернула плечами и прикрыла нос рукой.

– Влад! – позвала она.

Тот с кривой усмешкой повернулся на зов, поправил упавшие на лоб светло-каштановые волосы и поднялся. Неуверенной походкой он направился к жене. Рот его был растянут в презрительной улыбке, глаза ярко горели, щеки покрыл пьяный румянец. Резко схватив жену за плечи, он прижался к ее губам, но она оттолкнула его.

¹ Большое спасибо, господин Броч (нем.).

– От тебя воняет твоей девкой, – прошипела она.

– Хм, – несколько не смутился Влад. – Тебе воняет, а мне казалось, что она восхитительно пахнет.

Женщина занесла руку для удара, но он перехватил ее тонкое запястье и больно сжал.

– Сцена ревности? – Влад отбросил ее руку. – С каких это пор? – Он снова потянулся к ее губам.

– Вспомнил о том, что у тебя есть жена? – тихо спросила она и отшатнулась от его взгляда.

– Жена? – выдавил Влад и вдруг засмеялся.

Она схватила его за ворот пиджака и потащила в гостиную, подальше от комнаты сына. Подтолкнув мужа к дивану, она яростным тоном спросила:

– Где ты был?!

– Там, где мне было хорошо. – Губы Влада растянулись в сладкой улыбке, но она мгновенно погасла. – О боже, – пробормотал он и прижался лбом к коленям. – Все изменилось! Я не этого хотел. Думал, что все будет по-другому... Я ошибся, – затряс он головой. – Как же так?..

– Влад, дорогой...

Она присела рядом и попыталась его обнять, но он неуклюже отмахнулся и локтем случайно задел ее по носу. Даже не заметив, что у жены полилась кровь, Влад поднялся и, шатаясь, побрел в спальню, что-то бормоча на ходу. Женщина же побежала в ванную, где долго горько плакала, омывая лицо холодной водой. Кровь быстро остановилась, но она все стояла, склонившись над раковиной, окрашенной ярко-красными брызгами, всхлипывая и жалея себя.

Вытерев лицо мокрым полотенцем, Анна вернулась в спальню. Влад уже уснул. Стянув с него туфли, она попыталась проделать ту же манипуляцию с его брюками, но у нее ничего не получилось. Влад застонал во сне и недовольно пошевелился. Она в раздражении стукнула его кулаком по бедру, затем неслышно ускользнула в гостиную, взяла бокал с вином и сделала несколько глотков. Все-таки, подумалось ей, иметь квартиру за периметром – огромное счастье. Там, в посольском комплексе, не осталось бы незамеченным, если бы она повысила голос на мужа или выбежала вся в слезах за дверь. Ссору в семье Романовых долго и со вкусом обсуждали бы, тихо смеясь за их спинами. Снова оценив прелести собственной квартиры, женщина перестроилась на другие мысли, детально прокрутив в голове свой разговор с мужем. Это была не первая их ссора и, судя по тому, как вел себя Влад, не последняя. Анну ждало еще много испытаний впереди, и она не знала, выдержит ли их.

– Все изменилось, – прошептала она, повторяя слова мужа. – Господи, когда же все изменилось?!

Глава 3

Леня Саянов позвонил Кириллу через неделю после их разговора. По его голосу Кирилл не понял, каких новостей ему следует ожидать. Саянов, как всегда, был весел и бодр, даже шутил, но это ни о чем не говорило, потому что он одинаково ровным тоном сообщал как хорошие известия, так и плохие. Договорились они встретиться за обедом в ресторане отчима Кирилла. Как оказалось, Саянов был большим любителем итальянской кухни, а заведение, в котором заправлял мэтр Бальдуччи, и вовсе обожал.

Время двигалось медленно, наверное, оттого, что Кирилл слишком сильно хотел узнать, смог ли Леня отыскать Веронику Юманову. «Мог бы хоть словом обмолвиться», – злился он, поглядывая на часы. Впрочем, несмотря на постоянные мысли о предстоящем разговоре, Кирилл едва не пропустил встречу. Компания «Юма» вводила на рынок новую торговую марку молочной продукции, и все, связанное с этим, занимало каждую минуту как самого Кирилла, так и его подчиненных, ответственных за проект. Несколько месяцев разрабатывался дизайн упаковки, но первый помощник Кирилла постоянно находил недостатки в предложениях художников. То ему надпись не нравилась, то цвет, затем он и вовсе заявил, чтобы первоначальную задумку полностью изменили. Далее были повергнуты в прах все слоганы, которыми должна была сопровождаться реклама товара, разгромлены все идеи рекламщиков. Кирилл молча следил за тем, как «дядя Боря» заставляет людей, круглосуточно живших в офисе, краснеть от негодования. Большинство из них, услышав нелестные отзывы о проделанной работе, вылетали из кабинета с такими лицами, будто бежали за пистолетами, из которых они намеревались пристрелить толстого и добродушного на вид Бориса Семеновича, а заодно и Кирилла, раздражавшего всех своим молчанием. Однако через пару часов они возвращались с новыми идеями, и, как ни странно, «дядя Боря» одобрял их.

– Кирилл, – услышал он свое имя и встрепенулся. – Мы закончили.

Борис Семенович, как яркий воздушный шарик, закрывающий свет, склонился над боссом и с любопытством всматривался в его задумчивое лицо.

– Ты очень похож на отца.

– Регулярно слышу об этом.

У него все внутри сжалось от досады, но Кирилл постарался, чтобы это раздражение не отразилось на его лице.

– Нет, не внешне, – продолжил Борис Семенович. – Характером. Герман, как и ты, отличался спокойным нравом, но в нем чувствовалась железная сила.

– Которой нет у меня?

– Отнюдь, – «дядя Боря» почесал круглый подбородок. – Ты обладаешь не меньшей силой, но, к сожалению, не умеешь ее применять.

– Спасибо. Вы первый, кто указывает мне на мои недостатки в вежливой форме.

– Ты молод, Кирилл. А в молодости многие ошибаются. Думаю, отец не рассказывал тебе, как в начале девяностых он купил два молочных завода, один из которых разорил, потому что ошибся?

– В чем именно заключалась ошибка? – с интересом спросил Кирилл.

– В его горячности и в незнании особенностей рынка. – Борис Семенович направился к двери, на ходу застегивая пуговицы. – Но тебе подобное не грозит. У тебя прекрасная команда, она поможет тебе принять правильное решение.

– На себя намекаете?

– Естественно, – Борис Семенович захихикал, как девица, пискляво и вызывающе. – Самое главное сейчас – это внимательно смотреть и слушать. Опыт приходит со временем, его невозможно получить в одночасье. В бизнесе важны расчет и мудрость. С первым у тебя про-

блем не будет, потому что наши экономисты умеют считать. А вот мудрость – здесь придется постараться самому. Помощников в ее обретении нет ни у кого. Твой отец любил повторять, – «дядя Боря» с таким пафосом поднял коротенький палец к потолку, словно намеревался процитировать Цицерона: – «Мудрость приходит с годами, но бывает, что возраст приходит один». Истинная правда!

Кирилл рассмеялся, ощущая внутренний подъем. Впервые с ним говорили открыто и не назидательным тоном. Чувствовалось, что Борис Семенович верит в Юманова-младшего, а это окрыляло больше, чем какие-либо эфемерные достижения и пустые похвалы.

Находясь под впечатлением от разговора с самым грозным сотрудником компании, Кирилл едва не забыл о Лене Саянове. Часы говорили о том, что он критически опаздывает на встречу: до ресторана при хорошем раскладе дорога заняла бы всего двадцать минут, но в это время дня из-за огромного количества пробок он не успеет к назначенному времени. К счастью, раздался звонок от Лени: явно злясь, он сказал, что задерживается.

– Застрял в чертовой пробке.

Кирилл с облегчением вздохнул, схватил со стола ключи от машины и помчался вниз. До ресторана он добрался быстрее, чем предполагал. Леня еще не появился, поэтому Кирилл расслабился, улыбнулся администратору, который провел пасынка хозяина за лучший столик, и повернулся к окну, полностью погрузившись в размышления. Он снова обдумал слова «дяди Бори», в особенности тот факт, что его отец когда-то «профукал» целый завод. О таких подробностях Кириллу никто не рассказывал, отец вообще предпочитал не говорить о своих неудачах. И отец всегда умалчивал о своей главной ошибке – о разводе с его матерью. Тем не менее Кирилл был уверен, что отец продолжал любить Нину до конца жизни. Конечно, он с болью воспринял уход жены, но ради сына сохранил с ней теплые отношения. Впрочем, с такой женщиной, как Нина, сложно было поссориться. Она все переводила в шутку и в свойственной ей наивной манере предлагала решить конфликт «без кровопролития». Однако, когда мать встретила Андрея, который был моложе ее на несколько лет, взбунтовался уже Кирилл. Андрей казался ему прохвостом, неизвестно по каким причинам влюбивший в себя его легкомысленную мать. Все оказалось куда менее драматичным: Андрей обожал Нину и продолжал это упорно доказывать на протяжении многих лет – не только самой Нине, но и ее сыну.

И если личная жизнь матери была устроена наилучшим образом, что радовало Кирилла, то воспоминания об отце всегда повергали его в грусть. Жаль, что они проводили так мало времени друг с другом. Также Кирилл сожалел о том, что он с сомнением и злостью воспринял женитьбу отца на молодой сотруднице компании. Из-за его глупой ревности и недоверия к Веронике, которую он считал охотницей за деньгами, их отношения с отцом разладились. Перед его смертью они виделись лишь трижды, и тех недолгих минут было недостаточно, чтобы пригасить чувство печали, поселившееся в душе Кирилла.

– Ciao, bello ragazzo!² – прокричал Марко Бальдуччи и тут же перешел на русский, которым неплохо владел: – Мне сказали, что ты пришел. Вот, вышел поздороваться.

– Здравствуй, Марко, – Кирилл пожал протянутую руку и улыбнулся внешнему виду прославленного повара.

Раньше он думал, что все кулинары должны носить впереди себя свои огромные животы и неизменный белоснежный колпак на голове. Но если головной убор для Марко был явлением обязательным, то живота у маэстро совсем не наблюдалось. Бальдуччи был худеньким, щупленьким, похожим на юркую белочку молодым человеком, с таким неправдоподобно громким голосом, что окружающие постоянно задавались вопросом – откуда у этого тщедушного тела столько сил на крики?

² Привет, красавец! (ит.)

– Один? Или ждешь кого-нибудь? – подмигнул Марко, двусмысленно улыбнулся и похлопал Кирилла по плечу.

Кириллу стало неудобно оттого, что первым его порывом было сочинить историю о прекрасной блондинке, опаздывающей к обеду.

– Друга. Вот, кстати, и он.

В холле показалась франтовская фигура Лени Саянова: он вальяжно плыл мимо столиков к разговаривающим мужчинам. Марко с любопытством уставился на темную кожу друга Кирилла и, улыбнувшись, поздоровался, приказал им веселиться и пообещал приготовить самый вкусный обед из тех, что они пробовали в своей жизни.

– Меня кое-что смутило, – Кирилл продолжал растерянно смотреть в сторону удалившегося в кухню шеф-повара.

– Да, он – гей, – развеял его сомнения Ленья. – Не знал? Ладно, хер с его задницей! Давай сделаем заказ.

Кирилл не солгал Марко, когда назвал Ленью своим другом. Пожалуй, кроме него и мамы, ближе у Кирилла никого не было. Здесь, в Москве, все были ему чужими, новыми друзьями он так и не успел обзавестись, впрочем, Кириллу вполне хватало неугомонной натуры Нины и язвительного на язык Лени. Отношения у них завязались, когда Ленья приехал за Кириллом в Рио. Вместо того чтобы уже на следующий день вылететь в Москву, они еще целую неделю грелись на белых пляжах города. Отец же был уверен в том, что Саянов все эти семь дней в поте лица искал сбежавшего из Лондона Кирилла. Поиски, как он думал, оказались сложными и потребовали много времени, и его никто не стал убеждать в обратном. Но Кирилл до сих пор был благодарен Лене за ту прекрасную неделю отдыха, за которой последовало возвращение к ненавистной экономике. Казалось, на этом их отношения должны были закончиться, но вопреки логике, расстоянию и разнице в возрасте мужчинам суждено было стать добрыми приятелями.

Ленья был старше Кирилла на девять лет, порою он вел себя как заносчивый и самодовольный старший брат, а после смерти Юманова-старшего и вовсе попытался стать опекуном Кирилла, на плечах которого лежит ответственность за юного несмышленного сироту. Вскоре подобное поведение изжило себя, так как Кирилл принялся усиленно сопротивляться, но главным образом потому, что Саянов в итоге увидел в нем взрослого человека, которого не нужно вести за руку по дороге жизни.

Передав заказ официанту, Ленья в предвкушении вкусного угощения прикрыл глаза и потер ладошкой живот.

– Устал, хочу есть. Потом – спать.

Кирилл с улыбкой смотрел на друга. Несмотря на то что он предпочитал женщин, все же он считал Ленью привлекательным. Сам же Ленья характеризовал себя как чертовски красивого парня, перед которым не сможет устоять ни одна девица. Но Казановой он был только на словах, потому что уже давно являлся мужем симпатичной и очень ревливой дамочки, отцом веселой пятилетней девчушки, с которыми и проводил все свои свободные вечера. Кирилл был частым гостем в их доме, чему особенно радовалась дочка Лени. И если «удельный вес» своих романтических подвигов Ленья преувеличивал, то с оценкой собственной внешности не лукавил ни на йоту. Отец Саянова, залетный африканский студент Университета дружбы народов, пробыл в холодной Москве всего лишь год, но этого было достаточно, чтобы оставить о себе след в виде сына и дочери, рожденных от разных женщин, но в одно время. Мягкая, кофейного оттенка кожа, огромные «чайные» глаза и задорные кудряшки, которые Ленья коротко стриг, – он мало чем напоминал своего иссиня-черного отца, так как кровь матери оказалась гораздо сильнее. Но в нем не было ничего славянского. Если бы Кирилл не знал, что в Лене течет негритянская кровь, ни за что не догадался бы. Его можно было принять за темнокожего испанца, так как черты его лица были европейскими: губы – тонкие, нос – прямой. Но светлые

ладошки и грустные, как у африканского слона, глаза говорили о смешении рас, притягивали взгляд и вызывали к Лене неподдельный интерес.

– Ты тоже решил сменить ориентацию? – Леня бросил в Кирилла салфеткой. – Забавный какой!

Кирилл принял возмущенный вид:

– Говори, что узнал!

– Ничего не узнал. Вернее, то, что я узнал, – лишь пустые сведения, которые не дают возможности установить, где прячется наша барышня. Как в Лету канула! По документам, она все еще находится в России.

– По каким документам? – не понял Кирилл.

– За прошедший год ни одна женщина по имени Вероника Юманова, двадцати восьми лет, не вылетала за границу. Также никакая Кирсанова – это девичья фамилия твоей мачехи – не рвалась за кордон. Друзья, а их у нее немного, в основном старые студенческие связи, давно не имели общения с ней. Кстати, дама наша окончила юрфак. Не зря, видимо, она попала в компанию Германа Савельевича. Умная была!

– Почему – «была»? – нахмурившись, спросил Кирилл.

– Так, вырвалось. Я связался с ее матерью, и она многое рассказала о своих девочках. У Вероники есть сестра-близнец, впрочем, они не очень сильно похожи. – Леня подвинул к Кириллу папку, в которой лежали фотографии сестер. – Обе после школы уехали в Москву, и обе поступили с первого раза в МГУ, только на разные факультеты. Насчет младшей ты был прав, – он ткнул пальцем в снимок с изображением темноволосой не улыбающейся женщины, – она действительно замужем за дипломатом. Сейчас он служит в нашем посольстве в Вене. Вот адрес квартиры, где они живут, и номер мобильного госпожи Романовой. Странно, – на минуту отвлекся он, – я не знал, что дипломаты имеют право на приобретение частной собственности в чужой стране и разрешение на проживание за территорией посольства. Но это неважно... До Вены Романовы три года были в Берлине, потом вернулись в Москву. У них есть сын. Родился в Берлине. Сестер связывают теплые отношения. Во всяком случае, так мне их мать поведала. Также она сказала, что с младшей, той, которая в Вене... – вновь пояснил Леня, но Кирилл глазами показал ему, что уже разобрался в том, кто из близнецов Кирсановых – старшая, – она общается редко, а вот старшая иногда ей звонит. Но, к сожалению, она не знает, где сейчас находится ее вторая дочь. Та не говорит, а мать сильно не наезжает на молодую вдовушку, думая, что таким образом дает ей возможность прийти в себя после неожиданной кончины супруга. В общем, она посоветовала мне связаться с Анной. Так, когда я вылетаю? – загадочным голосом спросил Леня.

– Вылетаешь? Не проще ли просто позвонить?

– Некоторые вопросы человеку лучше задавать, глядя ему в глаза. Голос может обмануть. Выражение лица и телодвижения – никогда. Говори, когда вылет?

– Я сам полечу, – неожиданно для себя самого сказал Кирилл.

Он вдруг обрадовался этому внезапному решению – на время отвлечься от работы и отдохнуть, а заодно и встретиться с сестрой Вероники.

– Один? – начал издали Леня, и Кирилл понял, к чему тот ведет.

– Разумеется! – засмеялся он. – Мне не нужна охрана.

– Вот черт! А я уже рассчитывал на ночные прогулки по Вене...

– Лучше насладись обедом, – Кирилл указал на официанта, несшего к их столику заказ. – И помаши рукой Марко, он за тобой наблюдает через окошко. Чувствует мое сердце, что ты зажег огонь в сердце итальянца.

Леня, делая вид, что рассматривает интерьер ресторана, покосился на окошко, в котором торчало узкое лицо повара, громко рассмеялся и подвинул к себе тарелку со спагетти.

– А-а! – застонал он, вдохнув аромат, исходивший от блюда. – Ему бы дамочкой родиться, цены бы ему не было!

* * *

В Вене человеку несложно ощущать себя умиротворенным, так как город с первых же минут знакомства с ним помогает настроиться на спокойный лад. В нем абсолютно не чувствуется суеты, даже в деловых районах, где жизнь, казалось бы, должна бить ключом, нет истеричности, издерганности и бесконечной усталости, которыми славятся другие столицы мира. Вена – это рассудительность, отсутствие волнения и, безусловно, красота, заставляющая тебя благоговейно сдерживать дыхание. Город покорила Кирилла тишиной, поселившейся и в его мыслях. Исчезли страхи, заботы, остались лишь покой и уверенность.

С Анной Романовой он связался через день после приезда. Разговор по телефону его насторожил – показалось, будто женщина ожидала звонка. Она вовсе не удивилась, когда он представился, быстро согласилась на предложение побеседовать и назвала адрес кафе, а также время встречи. Вечером того же дня Кирилл бродил по городу, потом плотно поужинал в ресторане, который располагался неподалеку от отеля «Де Франс», где он поселился, а затем, вернувшись в свой номер, уснул так крепко, будто до этого страдал от бессонницы минимум полгода.

Наутро, свежий и отдохнувший, Кирилл позавтракал в кафе отеля и решил прогуляться по солнечным улицам города. Встреча была назначена на четыре дня, поэтому времени, чтобы осмотреть центр, у него было достаточно. И все же с любопытством глазеть по сторонам, как типичный турист, которых легко можно вычислить в толпе прохожих, он не стал: неспешно шагнул по Рингштрассе и выглядел как коренной житель Вены, такой же улыбчивый, светловолосый и ничему не удивляющийся. Затем он поймал такси и ровно в четыре часа дня вошел в тихий бар «Avis», известный в городе своей чудной террасой, выходившей на прилегающий к территории здания небольшой фруктовый сад. Он быстро осмотрел посетителей, которых даже в это время дня было очень много, и не обнаружил среди них Анну. Мысленно выругался, поняв, что искал женщину, похожую на Веронику, и вновь осмотрелся. Действительно, на террасе за столиком, расположенным у деревянных перил, сидела молодая черноволосая женщина и с интересом разглядывала его. По всей видимости, она догадалась, кто он такой, потому что подняла руку и пошевелила пальцами. Кирилл с улыбкой направился к ней.

– Добрый день, госпожа Романова. – Он слегка наклонил голову. – Рад встрече. Кирилл Юманов.

– Вы напомнили мне гостей на посольских приемах, – со смехом произнесла женщина. – Они такие же пафосные и церемонные. Давайте будем вести себя проще. Зовите меня Анной. Кирилл с облегчением вздохнул и присел.

– Вы не представляете, насколько облегчили мне задачу. Я весь день мучился в догадках, как к вам обращаться. В таком случае я – Кирилл, – он протянул руку.

– А вы веселый, – без тени улыбки сказала она и переключила внимание на подошедшего официанта.

У нее были серые глаза, ярко блестящие в солнечных лучах, падавших на ее лицо. Кирилл невольно залюбовался аккуратными чертами ее лица, тонким носом и красиво очерченной шеей. В отличие от сестры, в которой ощущался огненный темперамент, Анна Романова излучала мягкость и нежность. На ней было теплое вязаное платье, на плечи накинута шаль нежно-голубого цвета, подчеркивающая глубину ее глаз, на пальцах не было украшений, кроме обручального кольца и дорогих часов на запястье. Кирилл внимательно взгляделся в золотой циферблат со вставленными в него изумрудами в виде латинской V.

– Вероника подарила, – пояснила женщина, заметив, куда смотрит Кирилл. – Перед тем как моего мужа аккредитовали в Вену. Я предпочитаю думать, что буква «V» символизирует победу, а не начальную букву имени сестры, – она протянула ему свое тонкое запястье, позволяя Кириллу получше рассмотреть изящную вещицу, но он вместо этого смотрел на белую кожу женщины, от которой исходил приятный запах парфюма.

– Вы не похожи на сестру, – сказал он и замялся. – Вернее, похожи, но не так, как я предполагал. Думал, что встречу точную копию Вероники, даже несмотря на то, что видел вашу фотографию и знал, что вы очень отличаетесь. Однако каждый раз, когда я слышу слово «близнецы», сразу представляю одинаковых людей, причем не только внешне, но и со сходными характерами. Наверное, это всего лишь стереотип восприятия.

– Большинство близнецов воспринимают себя как неделимое целое, они становятся дополнением друг для друга и при этом теряют себя. Мы с Вероникой всегда друг от друга отличались, учились в разных классах, и увлечения у нас были разными. А что касается внешности, то Веронику считали более красивой. Во всяком случае, об этом говорили толпы ребят, умолявших ее о встрече. Поэтому, – женщина мило улыбнулась, – да, мы – разные. И – нет: мы все-таки очень похожи.

– Вас обеих объединяет нечто неуловимое. Даже не знаю, каким словом это охарактеризовать. Чем пристальнее я смотрю на вас, тем отчетливее понимаю, что сходства между вами и сестрой больше, нежели отличий.

Официант принес кофе и венские блинчики для Кирилла, для госпожи Романовой – фруктовый чай и ромовый пирог.

– Так вы хотели узнать, как живет близнецам? – игриво поинтересовалась она, подцепив вилкой кусочек пирога и отправив его себе в рот.

– Не совсем. – Кирилл обрадовался тому, что беседа их протекает легко, без напряжения. – Я хотел бы встретиться с вашей сестрой, чтобы решить вопросы, касающиеся нашего совместного бизнеса, но, к сожалению, не знаю, как это сделать. Может, вы дадите мне номер телефона Вероники или скажете, где я могу ее найти? Вы бы мне очень помогли.

На мгновение Кириллу показалось, что в глазах женщины промелькнуло беспокойство, но он понял, что ошибся: просто тени от менявшего положения солнца неудачно упали на ее лицо, создав впечатление тревожной взволнованности.

– Позвольте узнать, что за бизнес-вопросы вы намерены обсудить с Вероникой? – спросила она и тут же добавила: – Если я кажусь вам слишком любопытной, скажите об этом, и я замолчу.

– В том, для чего я ищу вашу сестру, нет никакой тайны, – улыбнулся Кирилл. – Отец оставил Веронике часть акций компании «Юма», которые я желаю выкупить.

– Хотите лишить мою сестру наследства?

– Как получилось, что раньше мы не были знакомы? – вырвалось у него прежде, чем он сумел остановиться.

– Вы жили в Лондоне, насколько мне известно. И редко приезжали в Москву.

– Получается, – с удовольствием заметил Кирилл, рассматривая ее слегка напудренные щеки, – что вы с Вероникой говорили обо мне?

– И не раз. Мы же сестры и многое доверяем друг другу. Знаете, смерть вашего отца надломил ее. – Она отвернулась в сторону и замолчала на некоторое время, потом резко встрепенулась и потянулась к сумочке.

– Оставьте, – Кирилл протестующе поднял руку вверх, – я заплачу...

Он с удивлением посмотрел в спину женщине, которая вдруг вскочила и побежала к выходу, даже не сказав ему ни слова на прощание и не упомянув о том, как ему найти ее сестру. Расплатившись за напитки и сласти, Кирилл с досадой в душе вышел на улицу и весело улыбнулся. На тротуаре его ожидала госпожа Романова: она ласково обнимала маленького мальчика

с черными кудряшками. Рядом с ней стояла невысокая девушка в легкой джинсовой куртке и постукивала пальцами по ручке детской коляски.

– Можете быть свободны, дорогая. Спасибо за то, что согласились задержаться с Александром. Встретимся завтра.

Девушка кивнула и исчезла.

– Это мой сын, Александр, – представили Кириллу мальчика.

– Рад знакомству, господин Романов. – Он аккуратно дотронулся до крошечной ручки, и женщина тихо рассмеялась.

Она усадила сопротивлявшегося мальчика в коляску и медленно двинулась вперед.

– Когда сестра позвонит мне, я сообщу ей о нашем разговоре, а также попрошу разрешения сказать вам, где она находится. Это все, чем я могу вам помочь.

– Благодарю, – сказал Кирилл. – Надеюсь, мы еще встретимся, Анна.

Он произнес ее имя с особой нежностью, что не прошло незамеченным для обоих. Она смущенно отвернулась, потом не выдержала и прыснула со смеху:

– Перестаньте кокетничать! Мне неловко.

– А мне приятно. – Отчего-то Кирилл почувствовал себя вправе продолжить наступление.

Женщина привлекала его как внешне, так и характером, его даже не смущало то, что она давно замужем и воспитывает двухлетнего ребенка. Имели значение только ее улыбка и потрясающе красивые глаза, в которых он заметил много нежности и игривости.

– Прощайте, господин Юманов, – услышал он, но неизвестно откуда – понял, что это не последняя их встреча.

Да, с Анной Романовой они непременно увидятся, решил Кирилл, с небывалой легкостью в душе шагая к своему отелю. Женщина еще некоторое время смотрела на его удаляющуюся фигуру и как-то странно улыбалась. Юманов понравился ей. Конечно, он разительно отличался от того типажа мужчин, которые обычно привлекали ее внимание, но все же был весьма интересен: высокий, хорошо сложенный – это большой плюс, а минусом были его светлые волосы и ничем не впечатляющее лицо. Обычный парнишка с соседнего двора, с которым весело проводить время, но глядя на которого ты вовсе не пылаешь от страсти. Впрочем, все это было неважно. Главным являлось то, какую сумму сможет предложить Кирилл за акции компании «Юма».

Глава 4

– Я женюсь только в сорок лет, и непременно на той женщине, которая будет в два раза моложе меня. Надоели ровесницы! Скучные они, думают только о браке, о детях...

Женя с удивлением повернула голову к Антону Лукову, произнесшему эти слова, и чуть не фыркнула, но вовремя сдержалась. Она поняла, что будет выглядеть нелепо, если излишне остро отреагирует на это высказывание, поэтому она сделала глубокий вдох и посмотрела в окно, на снежные вершины гор. Безусловно, фраза была сказана специально для нее, и теперь сидевшие в холле люди с любопытством ожидали ее ответной реплики. Однако все ошибались, предполагая, что Женя продемонстрирует нервозность или, хуже того, ревность к пустым словам человека, еще несколько месяцев тому назад бывшего ее любовником. Она вдруг вспомнила своего отца: он кричал на весь спортивный комплекс, узнав, что его дочь завела роман с коллегой по цеху.

– Не спи с тем, с кем работаешь! Иначе, когда любовь уйдет, ты будешь стыдливо прятать глаза, лишь бы не видеть ехидные лица «доброжелателей».

Хотя откуда ему, шестидесятилетнему старику, знать, как трудно справляться с физиологическими потребностями? Впрочем, он мог бы догадаться, что у спортсменов не хватает времени на поиски партнеров где-то на стороне. Поэтому все пользуются тем, что попадает под руку, а именно такими же вечно занятыми и нацеленными на результат биатлонистами, в головах у которых вечно крутятся лишь мысли о чемпионатах и личных рекордах. И все же ей стоило внять его увещаниям. Тогда не пришлось бы ей сейчас всеми силами стараться не покраснеть и не выдать тем самым, что слова Лукова заделали ее.

Пожалуй, это неправильно, когда спортсмены разного пола тренируются на одной базе. Очень отвлекает и вызывает множество соблазнов. «Нужно сказать отцу, чтобы подобное не повторялось, – подумала она. – Пусть руководство разумнее составляет календарные планы подготовки команд к сезону». Отец Жени Субботиной был главным тренером женской сборной по биатлону, поэтому она могла позволить себе высказывать свое недовольство тренировочным процессом. Но, естественно, она делала это наедине с ним, чтобы не подорвать репутацию отца в глазах подчиненных. Хотя в большинстве случаев он выставял дочь за дверь, рекомендуя ей уделять больше внимания работе, а не «любовным трепыханиям».

Сколько Женя себя помнила, ее жизнь всегда была связана со спортом. Отец поставил дочь на лыжи еще в трехлетнем возрасте. В то время он был главным тренером в самой известной спортивной школе Сочи, а мама – директором этой же школы. Помимо лыж, супруги Субботины заставляли дочь заниматься гимнастикой и плаванием, потом к этому прибавилась пулевая стрельба. К средним классам остались только стрельба и лыжи, так как из всех видов спорта, которыми занималась Женя, эти два давались ей лучше всего. Именно поэтому родители порекомендовали дочери сосредоточить усилия на лыжных гонках. Она прислушалась к их совету и на сегодняшний день уже трижды становилась чемпионкой мира, дважды – вице-чемпионкой, имела две золотые олимпийские медали и, самое главное, не собиралась на этом останавливаться. Ей совсем недавно исполнилось двадцать восемь, но она уже считалась ведущей биатлонисткой в стране, и ее ожидала долгая и блестящая карьера.

Однако, как оказалось, спортивные достижения не имеют никакого отношения к любовным. Здесь Женя потерпела абсолютный крах. Мальчики «заметили» ее слишком поздно, как, впрочем, и она их. Зато, когда Евгения Субботина по прозвищу Суббота обнаружила, что все-таки нравится представителям противоположного пола, она была приятно удивлена. Она и не предполагала, что высокие и сильные девицы могут привлечь внимание ребят, не имеющих к спорту никакого отношения. И все же Женя ошибалась, считая себя не слишком симпатичной. Ее черные длинные волосы и такие же черные глаза, маленький аккуратный носик и веселые

ямочки на щеках заставляли парней не только оборачиваться ей вслед, но и придумывать сотни способов, чтобы с ней познакомиться. Веселая и одновременно строптивая, Женя была лакомым кусочком для любого, в особенности для такого известного сердцееда, как Антон Луков. Женю ему удалось очаровать так же быстро, как и всех своих предыдущих любовниц: он был мастером не только в биатлоне, но и в том, как без длительного штурма уложить барышню в постель, а потом с той же быстротой прекратить с ней всякое общение.

На базе в Рамзау обе сборные находились уже больше недели. За это время Жене успела порядком надоесть подобная совместная жизнь. Конечно, большую часть дня женская сборная не встречалась с мужской, так как у них были разные расписания. Зато вечера обе команды проводили вместе, потому что ни на что другое, кроме пустой болтовни, времени не хватало. Женя посмотрела на часы и вдруг забеспокоилась. «Слишком задерживается», – пронеслось в ее голове. Чтобы отвлечься от нехороших мыслей, она повернулась к Антону Лукову, объяснявшему остальным ребятам преимущества поздней женитьбы, и спросила:

– Чиполлино, напomini-ка о своих мечтах? В два раза моложе?

– Соотношение сорок и двадцать меня устраивает, – улыбаясь, сказал Луков.

– Чем может привлечь юную старлетку сорокалетний мужчина? Умом и интеллектом? Вряд ли двадцатилетней дурочке нужен мудрый партнер. Разве что тем несчастным, кому в детстве не хватало отцовской любви. Они-то, бедняжки, которым, по правде говоря, лучше обратиться за помощью к психологу, чем прыгать в постель к какому-то престарелому кобелю, обычно ищут себе «папочку».

Кое-где слышались одобрителные возгласы, но, как догадалась Женя, ребята внимали вовсе не ее словам. Скорее они радовались тому, что у Субботиной на почве ревности слетела крыша и она решила устроить цирк, сделав очередной скучный вечер весьма интересным.

– Думаешь, сможешь завлечь глупую девицу своей красотой? – Женя сделала паузу, недвусмысленно говорившую о том, как нелестно она оценивает внешность Лукова-Чиполлино. – Что ни говори, ни один сорокалетний дядька не способен потягаться с тридцатилетним красавчиком. Только если он голливудская звезда или известный аристократ. Они-то и в пятьдесят лет умеют сразить наповал. А у обычного мужика в сорок уже фигура испорчена от гадкого образа жизни и лицо помято – по той же причине. В его глазах светятся тоска и безысходность. И все это способно выиграть у юношеского задора? Никогда!

Луков поднялся с кресла и, сделав несколько шагов вперед, принял выгодную позу, подчеркивающую его физическое совершенство.

– Думаю, что в сорок лет моя фигура останется прежней.

– Мой папа тоже так думал! – парировала Женя, и эта фраза вызвала дружный смех, потому что каждый вспомнил о круглом животе тренера Субботина. – А сейчас он похож на лысого Карлсона, такого же веселого и полного энтузиазма. Как ты считаешь, его интересуют двадцатилетние красотки?

– Если я не ошибаюсь, ему шестьдесят, – начал Луков, но этот довод показался окружающим неубедительным, так как своей страстной речью Женя уже почти победила, осталось лишь поставить триумфальную точку.

– Остается лишь одна причина, по которой молодая девчонка составит компанию старому пердуну, – слышался вдруг голос главного тренера Субботина, и все мгновенно притихли, поняв, что он уже давно наблюдает за этим спектаклем.

– Спасибо, отец, за помощь. Я сама знаю ответ. Банально, но это – деньги.

– Черт подери! – воскликнул Субботин, и щеки его покраснелись. – Я имел в виду любовь!

Ответом на последнюю фразу был оглушительный смех, наполнивший холл. Каждый оценил юмор уважаемого отца Жени Субботиной, и ни один не подумал о том, что тренер искренне верил в сказанное им.

– Зубоскалы! – с раздражением махнул рукой Валерий Алексеевич и ткнул пальцем в огромные часы, висевшие на стене. – У вас осталось тридцать минут! И спать!

Краем глаза Женя увидела вошедшую через главный ход женщину, несшую в руке длинный узкий чемодан. Быстро, стараясь не привлекать к себе внимания, она начала подниматься по лестнице на второй этаж, где располагались номера спортсменов. Женя устремилась следом за ней, не слыша окликов друзей и коллег, которым не хотелось отпускать ее.

– Женька! Рано еще! Останься!

– Guten Nacht, meine Damen und Herren³. – Она сделала реверанс, послала воздушный поцелуй хмурому Лукову и помчалась к себе в номер.

В маленькой прихожей было темно. Женя пошарила рукой по стене и включила свет. Прошла в спальню, но там никого не оказалось.

– Кирсанова! – позвала она.

– Я в ванной. – Послышался шум лившейся из крана воды.

Женя присела на кровать, в ожидании, когда женщина наконец выйдет, но не выдержала, подошла к двери и прошептала в щелочку:

– Я уже начала волноваться! Думала, что тебя полицейские арестовали.

Дверь ванной комнаты открылась, и на пороге показалась невысокая худая женщина, вытиравшая светлые волосы полотенцем.

– С чего бы им меня арестовывать? – с недоумением спросила она, отбросила полотенце в сторону, и Женя уставилась на темный круглый шрам у нее на груди.

Интуитивно дотронувшись пальцами до бугорка, женщина улыбнулась и притянула взволнованную Женю к себе.

– Суббота, ты совсем расклеилась, – сказала она и, быстро отпустив подругу, накинула на плечи халат. – Все в порядке. На меня не обращали внимания. Впрочем, если бы какой-нибудь дотошный полицейский попросил меня предъявить документы, я не переживала бы. Виноградов постарался на славу. Все бумаги очень даже настоящие.

Женя зарделась при воспоминании об Артеме Виноградове – еще одной своей любви, которую ей не удалось сохранить. Пожалуй, расставание с ним было самым болезненным опытом в ее жизни, и даже размолвка с Луковым казалась мелочью в сравнении с той болью, которую она испытала, приняв решение уйти от Артема.

– Он спрашивал обо мне? – Женя с горечью посмотрела на блондинку, наносившую на лицо крем, и затрясла головой. – Нет, не отвечай!

– Спрашивал, – смеясь, сказала та. – Тоскует.

– И пусть. Терпеть его не могу!

– А мне он нравится. Хороший парень.

– Хорошие парни, – голос Жени прозвучал глухо, – не знают, где приобрести фальшивые паспорта. И тем более они не имеют понятия, как в чужой стране достать оружие. Где она?

– В шкафу.

Женя подошла к шкафу и вытащила из него черный футляр. Открыв его, она аккуратно провела ладонью по матовой поверхности винтовки и вздохнула.

– Опробовала уже?

– Легкая, – ответила женщина.

Женя достала винтовку, вскинула к плечу и, повернувшись к окну, взглядела в даль, выбирая цель.

– Вес хороший, но размер... для моих рук она слишком маленькая. Тебе, коротышке, будет в самый раз. А прицел, кстати, тяжеловат, – поцокала она языком. – Несколько неповоротливая она из-за этого.

³ Доброй ночи, дамы и господа (нем.).

– Разве? – удивилась Кирсанова, взяла у Жени винтовку и, тоже повернувшись к окну, прицелилась в одну из горных вершин. – Глупости. Хороший баланс. Почти идеальный, и оптика восхитительная.

Женя вторично взяла винтовку, еще раз приложила ее к плечу, представила, как она спускает курок, и положила оружие обратно в футляр.

– Не страшно было ехать в электричке с таким багажом? – спросила она.

– Нет. На нее имеются документы. Только если бы меня попросили их продемонстрировать, пришлось бы мне отказаться от задуманного и искать другой способ.

Женя не нашла что ответить на это, она легла на кровать и посмотрела на белый потолок, обдумывая то, что собиралась сделать ее подруга. Она не давала ей оценок, просто размышляла над предстоящими событиями, холодно и беспристрастно, как и в те минуты, когда, затаив дыхание, она стояла перед мишенью, полностью сосредоточенная на результате. Даже воздух словно замирал вокруг нее, оставались только она, оружие и цель, поразить которую было самым важным ее заданием.

– Показывай паспорт, Кирсанова, – Женя вдруг подскочила к тумбочке и взяла в руки портмоне с документами. – Кто ты у нас теперь? Анна Хольц?! – вскричала она, открыв страницу с фотографией и именем. – Как символично! Слушай, а ведь так звали любимую женщину Бетховена.

– Не знала, что спортсмены увлекаются историей. Ты, оказывается, читать умеешь?

– Фильм смотрела, – нисколько не обиделась Женя. – Какие планы на завтра?

– Не буди меня, я буду спать до вечера. А послезавтра я опять уезжаю в Вену.

– Надолго? – Женя нахмурилась, потому что ответа не последовало. – Звонить можно?

– Сама наберу, если понадобится. – Женщина потянулась к дорожной сумке, стоявшей на полу возле кровати, и достала бутылку «Martini». – Ты у нас великая биатлонистка, не пьешь, а я могу позволить себе вылакать все до дна. Хочется отключиться и забыть обо всем. За Анну! – произнесла она, подняв бутылку вверх. – Так и зови меня, чтобы не оказаться в неловком положении перед посторонними.

– Ха! – воскликнула Женя и, забрав бутылку из рук подруги, сделала большой глоток из горлышка. – Посторонние, кстати, интересовались, что это за новое лицо в тренерском составе, которое еще ни разу не явило себя народу?

– Неужели? – усмехнулась подруга, понимая, что Женя шутит и ни один спортсмен не спрашивал о ней.

– Да кому ты нужна? – махнула Женя рукой. – Здесь все думают только о себе. Видела ее? – быстро изменила она тему разговора, и женщина коротко рассмеялась этой невероятной способности Жени – резко переключать внимание с одной проблемы на другую, потом замолчала и уставилась в стену.

– Видела. Во время ее прогулки с сыном.

– И как? – Глаза Жени заискрились от возбуждения.

– Что сказать – восхитительна!

– Еще бы! С такой жизнью, как у нее, глупо было бы выглядеть замарашкой. А Романова видела?

– Обоих, – ответила женщина и пояснила: – И старшего, и младшего. Посольство Великобритании устраивает прием в честь своего нового босса, прибывшего в Вену. Сегодня состоялось вручение верительных грамот, а завтра весь дипломатический бомонд будет чествовать его. Старший Романов прилетел с визитом в МИД-представительство Австрии. Насколько мне известно, он также приглашен на прием. Улетит послезавтра утром.

– Ты была у них в квартире? – Женя увидела ответ в глазах женщины и хмыкнула. – Нянька оказалась ненадежной?

– Люди любят деньги. Все «горят» на этом. Главное, что паспорт при мне, остальное меня не волнует. Без них вся эта задумка рассыплется как карточный домик.

– Я думала, она будет хранить их в банке.

– Знаешь, моя сестрица никогда не отличалась большим умом, – засмеялась Кирсанова. – Она все делает сгоряча, не продумав, к чему могут привести последствия. Я даже не удивилась, обнаружив паспорт в тумбочке с косметикой.

– Да, – протянула Женя, – гениальный тайник.

– А когда мы улетаем?

Женя почесала кончик носа, прикинув в уме, сколько еще времени они пробудут в Рамзау.

– Четыре дня осталось. Потом сборная летит в Тюмень, готовиться к чемпионату в Уфе. Успеешь?

– Разумеется. Я так долго к этому готовилась, что не посмею облажаться, – ответила женщина, отчего-то улыбаясь.

– Ну и дрянь же ты, Кирсанова! – Женя слегка потянула ее за волосы.

– Не более, чем ты. Или они. Или кто-либо другой.

– Уверена, что тебе не понадобится страховка? – спросила Женя, покосившись на шкаф, в котором лежала винтовка. – Мое мастерство много выше твоего.

Кирсанова рассмеялась и ущипнула Женю за бедро, отчего та взвизгнула, подскочила и больно ударилась коленкой о тумбочку. Нецензурное выражение немедленно сорвалось с ее губ, Женька заскакала по комнате на одной ноге, потом повалилась на кровать и, уже смеясь, принялась потирать покрасневшую кожу.

– А если бы случилось что-нибудь? Прощай, чемпионат страны?

– Что может случиться с костью? – спросила светловолосая красавица, раздумывая от глотка «Martini». – Поверь, Женька, все это мелочи. Есть вещи намного более серьезные, нежели небольшой перерыв в карьере.

– Верю. И поэтому мне страшно.

– Расслабься. Свою часть работы ты выполнила. И я безмерно благодарна тебе за это. Скоро на сцену выйдет Вероника Юманова. Следовательно, начнется последняя часть Марлезонского балета, – улыбнулась она, подав Жене уже наполовину пустую бутылку. – А сейчас давай выпьем за Анну Хольц, любимую женщину Бетховена! И за меня – я тоже когда-то была любимой.

Глава 5

Отношения в семье Романовых со стороны казались всем теплыми и нежными и вызвали зависть у каждого, кто наблюдал за счастливой идиллией, не зная, как на самом деле все обстоит. Нет, старшее поколение и младшее не ругались между собой, никто даже никогда не повышал голос, скорее они молча игнорировали друг друга. Подобное взаимное пренебрежение говорило о глубоком кризисе, в котором пребывал клан Романовых. Отношения обострились с год тому назад, за неделю до аккредитации Влада в Вену, и за этот небольшой срок переросли в состояние тихой вражды, которое в любую минуту могло закончиться взрывом, грозившим похоронить под обломками любого, кто случайно окажется в зоне поражения.

Романов-старший яростно скрипел зубами, не смея отказаться от приглашения сына приехать в гости. Веским доводом для визита послужило желание встретиться с внуком, которого дед не видел уже год. Мальчик изменился, и Александр Борисович с сожалением подумал о том, что он не являлся свидетелем этих быстрых перемен. Когда он в последний раз держал внука на руках, Саша, названный так в его честь, еще только учился ходить, а сейчас он уверенно передвигается по дому и даже произносит простые фразы тоненьким нежным голосом. Год назад его волосы были светлыми и короткими, теперь же они заметно потемнели и красивыми локонами падали на плечи.

– Здравствуй, Саша, – он расплылся в улыбке, потому что ребенок вспомнил его, несмотря на долгую разлуку. – Солнышко мое!

Мальчик улыбался, рассматривая деда, потом потянулся к блестящей запонке на рукаве рубашки, выглянувшей из пиджака.

– Понятно, что тебя привлекло, – засмеялся Александр Борисович и поставил ребенка на пол.

Тот быстро исчез в своей комнате, вернулся с огромным плюшевым медведем и протянул его деду. Все эти манипуляции он проделал молча, но с такой милой улыбкой, что вызывал прилив нежности в душе у Александра Борисовича, которого мало что могло растрогать и тем более взволновать.

– Он считает тебя лучшим другом, раз дает тебе свою любимую игрушку, – сказал Влад. – Я такой чести еще ни разу не удостоивался.

– Не удивлен, – сухо ответил Александр Борисович. – Где твоя жена? – таким же бесцветным голосом поинтересовался он.

– В салоне. Причесывается и делает макияж к приему. Мы тоже приглашены, – добавил Влад, заметив выражение недовольства на лице отца. – Выпьешь со мной?

Он подошел к бару и налил себе виски.

– Предпочитаю быть в трезвом уме на подобных мероприятиях, – ответил Александр Борисович. – И тебе советую. Если ты намерен высоко взлететь, ты должен исключить алкоголь из своей жизни. Во всяком случае, употреблять его как можно реже и только тогда, когда отказаться будет крайне невежливо.

Он с удовольствием заметил, что сын поставил стакан на стойку, так и не прикоснувшись к напитку.

– Что же ты пьешь на приемах? – без интереса спросил Влад. – Минеральную воду?

– Представь себе, да. Это полезно плюс эффективно: хмель не затуманивает мозги и, кроме того, не пахнет изо рта.

– Брось, отец! – вспыхнул Влад. – Я уже не десятилетний мальчик, понятия не имеющий о том, как вести себя в мире взрослых.

– Смею усомниться, – Александр Борисович злобно сверкнул глазами и, подхватив внука на руки, направился в комнату мальчика.

Влад понял, что на этом их дружеская беседа закончена, взял стакан в руки и выпил содержимое одним глотком. Потом налил еще и, удобно устроившись на диване, включил телевизор. Поведение отца расстроило его, несмотря на то что он предполагал нечто подобное. Старик никогда никому не прощает промахов, тем более если задевались его интересы, что угрожало поставить под удар не только его репутацию, но и жизнь в целом. Влад понимал, что безмерно разочаровал самого важного человека в своей жизни. Однако больше всего его угнетала невозможность исправить случившееся. Отец также знал об этом, что делало их общение не просто натянутым, а враждебным. Единственным связующим звеном между ними был Саша, но даже ради мальчика отец не смягчится. Хорошо, что он все еще продолжает содействовать карьере сына, так как без столь сильной поддержки молодой дипломат Романов смог бы дослужиться в лучшем случае до ранга второго секретаря. Влад знал многих своих одногруппников, которые до сих пор продолжали оставаться на младших дипломатических должностях, невзирая на то, что они были намного талантливее его. Но в дипломатии в большей мере, чем где-либо еще, имела значение родственная принадлежность к известной фамилии. Если ты с отличием окончил МГИМО, но был простым парнем, который первым из семьи решил подняться на олимп дипломатической службы, то максимум, на что ты мог рассчитывать, – это на командировки в те страны мира, где все болеют малярией, откуда за забор посольства никого не выпускают после восьми вечера и где супруги дипломатов должны повязывать головы платками, чтобы – не дай бог! – не оскорбить религиозные чувства принимающей стороны. Потом – возвращение на родину и грустное ожидание следующего выезда в такую же «цивилизованную» страну. Впрочем, иногда удача улыбалась какому-нибудь счастливчику. В таком случае он хватался за нее зубами и поднимался на ступеньку выше. Конечно, было бы глупо предполагать, что только «блатные» делали карьеру, бывали и такие, которые взлетали на вершину лишь благодаря собственным усилиям. Но опять-таки все они говорили об удаче и об умении увидеть благоприятный момент там, где у других глаза оставались закрытыми. Одним из них был непосредственный начальник Влада, любивший утверждать, что он возвысился до ранга чрезвычайного и полномочного исключительно с помощью своей верной подруги жизни. На самом деле это была просто красивая история, достойная лишь того, чтобы ее рассказывали на приемах. Посол лукавил, что было понятным, так как только глупец мог открыто признаться, каким именно путем он достиг подобных высот. Ходили слухи, что хватке босса мог бы позавидовать самый лютый питбуль. Ничто не могло заставить его разжать челюсти, и в их смертельных тисках погибло немало юных честолюбивых идеалистов. Посол чем-то напоминал Владу его отца. Тот был таким же упрямым и жестким человеком, несмотря на то, что вызывал к себе приязнь во время общения. Александр Борисович умел устанавливать доверительные отношения с собеседником, он обладал острым и ядовитым умом и производил впечатление радужного и отзывчивого человека. Его внешность также вводила людей в заблуждение, потому что за красивым фасадом никто не видел хищника, способного яростно расправиться с тем, кто посмел бы ступить на его личную территорию.

За последние десять лет отец Влада почти не изменился. Песочного цвета волосы слегка посеребрились на висках, серые глаза остались такими же яркими и живыми, мягкая приветливая улыбка неизменно играла на его губах. В общем, Романов-старший был типичным дипломатом экстра-класса: он носил дорогие костюмы, пользовался эксклюзивным парфюмом и тихо говорил, заставляя всех прислушиваться к его приятному голосу. Александр Борисович родился в семье дипломата, поэтому, не сомневаясь, он продолжил эту традицию, и сыну своему он с детства прививал мысль о том, какой именно род деятельности является для Романовых наиболее приемлемым. Во время учебы отец женился на самой хорошенькой девушке университета – будущей матери Влада. Через год родилась Лидия. Влад появился на свет лишь на десятом году их брака и был несказанным сюрпризом, так как супруги Романовы уже отчаялись обзавестись наследником. Лида разочаровала отца, выбрав путь, отличный от того, который

он ей навязывал. Она стала театральным критиком, женой такого же сумасшедшего, боготворившего театр человека, бездетной, но абсолютно счастливой, веселой толстушкой, имевшей множество друзей и любимую профессию. С братом и отцом она практически не общалась, зато часто навещала мать и обожала Анну.

Вспомнив о жене, Влад на миг прикрыл лицо руками, словно желая спастись от появившегося перед его глазами образа, и вновь налил себе виски. Однако он решил, что этот бокал станет последним, иначе на прием приедет не дипломат Романов, а пьяная свинья. Впрочем, к концу вечера таких свиней в посольстве будет множество, поэтому затеряться на их фоне не составит сложности. Он подумал об отце. Такой карьеры, пожалуй, ему никогда не сделать. Александр Борисович сумел в кратчайшие сроки от простого атташе пройти путь до чрезвычайного и полномочного, а теперь он занимал пост заместителя министра иностранных дел России. Кроме того, он был доктором юридических наук, профессором, автором ряда книг и учебников по международному праву, был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» и на самом почетном месте в кабинете хранил две президентские грамоты. И теперь этот идеальный человек старается не встречаться с сыном, потому что презирает его. Год тому назад Романов-старший громко произнес это вслух, навсегда определив, какими отныне станут их дальнейшие отношения. Вначале Влад переживал, потом привык, поняв, что настроение отца никогда не изменится.

– Папа! – послышался Сашин голос, но Влад не сразу услышал, что его зовут, встрепетулся он только тогда, когда сын встал напротив него.

– Где дедушка? – спросил он мальчика, и тот быстро указал пальчиком на двери комнаты.

– Хочу к маме. Где мама?

– Скоро вернется, – ответил Влад, взяв сына на руки.

Он бросил взгляд на часы. Они показывали почти пять. Влад покачал головой. Через несколько минут входная дверь открылась, и на пороге застыла жена. Красивая прическа, идеальный макияж – только вечернего платья не хватало. На ее плечи был накинут скромный серый плащик, и лишь дорогие туфли и перчатки выдавали в ней состоятельную даму. Не будь этого, ее с легкостью можно было бы принять за скромную секретаршу, которая понятия не имеет, что такое драгоценности и приемы.

Женщина быстро прошла к сидевшему на диване мужу и забрала из его рук ребенка.

– Любимый мой, – прошептала она, целуя мальчика, и повернулась к вышедшему из детской комнаты свекру. – Добрый день, Александр Борисович.

– Здравствуй, – ответил тот, кивнул сыну на прощание, добавил: – До встречи, – и скрылся за дверью.

– Не могла повести себя помягче?! – вспыхнул Влад, но, заметив, как от страха округлились глаза сына, еще не видевшего отца в подобном состоянии, заставил себя успокоиться.

– Не цепляй меня, Романов. Не смей, иначе ты пострадаешь!

– Когда придет нянька? – процедил Влад сквозь зубы, раздосадованный тем, что ему приходится подчиняться жене.

– Как и договаривались. В пять. – Она посмотрела на сына: – Сейчас мы покушаем, потом придет Тина, а мама с папой уедут к веселым дядям и тетям, которые будут пить шампанское и много говорить. Но ты не волнуйся, сынок, мама скоро вернется домой. Насчет папы я не уверена. Возможно, у него на вечер запланирована какая-то другая программа.

– Твою мать! – вновь повысил голос Влад. – Замолчи!

Но она уже не слышала его – исчезла в комнате сына, плотно закрыв за собой дверь.

* * *

В отличие от торжественного обеда или ужина, куда принято прибывать в указанное время, на фуршет можно было и опоздать. Это не считалось нарушением этикета, но и опоздание должно было оказаться незначительным, чтобы не создалось впечатления о легкомыслии гостей и их неуважении к причине приема. Приехать нужно было не раньше, чем появится их родной посол, чтобы не поставить его в неловкое положение, но и не намного позже, чтобы не произвести негативного впечатления по другому поводу. Обычно время прибытия четко оговаривалось и неукоснительно соблюдалось всеми. В дипломатических приемах этикету уделяли большое внимание, так как от мелочей, порою незаметных на первый взгляд, зависело качество отношений между представителями посольств и соответственно между странами. Люди часто переносят личные отношения на другие виды взаимодействий, и приемы являлись тому полным доказательством. Так, первый секретарь Романов и его супруга вошли в главную залу посольства Великобритании на минуту позже посла России, Кадакина Анатолия Ефремовича. Минутная задержка говорила об их уважительном отношении к послу, о безоговорочном признании в его лице первого «в упряжке», а также о молчаливом согласии всюду следовать за ним. Одновременно таким способом окружающим Романовыми кое-что сообщалось об их собственном положении в группе прибывших, а своим появлением в точно назначенное время они демонстрировали вежливость по отношению к лицам, устраивающим прием.

В первую очередь супруги Романовы приветствовали господ Кадакиных, первых лиц России в Австрии, и уже затем были представлены послу Великобритании, Эрику Спенсеру. Посол вежливо пожал руку Владу, поцеловал запястье госпоже Романовой и произнес обязательный в этом случае комплимент. После общих фраз, состоявших из поздравлений с назначением на должность и благодарностей, он отошел в сторону к остальным гостям. Влад заметил, как Спенсер с радостным лицом, широко расставив руки, направляется к его отцу.

– Алекс! – прогремел голос посла, заставив стоявших рядом с ним людей обернуться на это непривычно-фамильярное обращение.

– Эрик, дорогой! – Романов Александр Борисович открыл ему свои дружеские объятия.

Они были знакомы уже много лет, еще в ту пору, когда сам Романов был чрезвычайным и полномочным в Великобритании. Их отношения всегда были теплыми, и поэтому мужчины могли позволить себе отвлечься от норм этикета и выразить свои настоящие чувства.

– Ты знаком с моим сыном? – спросил Романов и подвел посла к Владу и его супруге.

В этот момент посол России разговаривал с коллегой из посольства ФРГ, и на краткий миг Романовы остались в одиночестве.

– Я уловил внешнее сходство, но не стал акцентировать на этом внимание, – сказал Спенсер и вновь пожал руку Владу, уже не так прохладно, как при первом приветствии. – Знаете, молодой человек, с вашим отцом нас связывают близкие отношения. Надеюсь, и с вами мы пройдем такой же чудесный, полный взаимопонимания путь.

– Безусловно, господин посол, – согласился Влад. – Позвольте представить вам мою супругу Анну.

Спенсер повернулся к женщине и посмотрел на нее – словно бы в первый раз. Анна поняла, что, если бы не вмешался отец Влада, Спенсер не запомнил бы их лиц. Романовы стояли на ступень ниже остальных приглашенных, и поэтому им не уделяли столько внимания, сколько дарили гостям более высокого ранга. Общение с послом Великобритании закончилось бы для них только формальным приветствием с его стороны, но благодаря отцу Влада, который не упустил возможности в очередной раз помочь сыну наладить нужные контакты, Романовых не только запомнили, но и мысленно поставили «галочку» напротив их имен, говорившую об особом отношении к ним.

– Вы прекрасны, госпожа Романова, – посол с удовлетворением осмотрел ее тоненькую фигурку, обтянутую темно-синим шелком. – Надеюсь, вам здесь нравится?

– Спасибо, мистер Спенсер, – в первую очередь она ответила на комплимент, а затем уже уверила посла, что она в восторге от этого приема.

Романов-старший с удовлетворением отметил, что его невестка восхитительно держится в разговоре со столь важным лицом и умеет произвести правильное впечатление. Своим поведением она доказывала, что имеет все шансы стать образцовой женой дипломата. Умная и интеллигентная, она была подходящей парой для его сына. И несмотря на то что Романов терпеть ее не мог, он вынужден был признать, что Анна относится к категории дам, идеально соответствующих роли жены чрезвычайного и полномочного. Она отличалась незаурядной красотой, была образованна, к тому же обладала врожденным чувством вкуса и такта. Супруга Влада умела произвести впечатление, будучи широко эрудированной особой, хорошо разбиравшейся в политике и экономике. Кроме того, она владела несколькими иностранными языками, и у нее не дрожали руки, когда ее представляли какому-нибудь послу или министру.

Александр Борисович внимательно всмотрелся в молодую женщину. Анна вывела посла на его любимую тему разговора – о самолетах. Интересно, откуда она узнала, что отец Спенсера был летчиком-асом? Впрочем, это не имело значения, потому что посол выглядел настолько увлеченным, что, казалось, забыл об остальных гостях, уделяя все свое внимание госпоже Романовой. Влад в это время тихо стоял рядом с ней и изредка вставлял короткие реплики. А потом она уступила мужу ведущее место в беседе, незаметно отойдя в сторону.

Романов-старший посмотрел в улыбавшееся лицо невестки и внутренне весь сжался от неприятного ощущения, внезапно пробежавшего холодком по его коже. Романов-старший не любил жену сына, он даже боялся ее, так как знал, что она – страшный человек. Много лет тому назад он был против женитьбы сына на Анне Кирсановой, несмотря на то что девушка была из хорошей семьи и получила прекрасное образование. Все-таки ему тогда следовало настоять на своем, тогда Влад никогда не совершил бы ту ошибку, от мысли о которой у его отца буквально дрожало все внутри. Но самое страшное было в том, что Романов-старший лично занимался устранением последствия, и это терзало его не меньше, чем жестокость и подлость сына.

– Слава богу, – прошептала женщина, провожая глазами посла Спенсера, – он жутко утомил меня своими баснями о полетах.

Она взяла со столика бокал с шампанским и отпила маленький глоток. На самом деле ей хотелось залпом осушить бокал до дна, потом взять еще один, и еще, но подобное поведение было недопустимым, поэтому, сдержав внутренний порыв напиться до бесчувствия, она долго держала напиток во рту, смакуя его. Посмотрев на стол с закусками, она отказалась от мысли что-нибудь съесть, несмотря на то что ее последним приемом пищи была лишь чашка кофе, сразу после пробуждения. В последнее время она стала замечать, что ее организм не требует еды – у нее полностью пропало чувство голода, из-за чего она сильно похудела. Плюсом было то, что на ее тонкой фигуре любое платье сидело идеально. Однако существенным минусом являлась ее уменьшившаяся грудь, которая раньше привлекала Влада своими размерами, а теперь он вовсе не желал до нее дотрагиваться.

– Возьми какую-нибудь закуску, – посоветовал Влад, – иначе упадешь в голодный обморок.

– Неужели ты обо мне беспокоишься?

– Скорее о себе. Не хочу, чтобы на нас косо взглянули, если ты вдруг напьешься и опозоришь меня, – тихо ответил он, обняв жену за талию, потому что в этот момент на них с улыбкой смотрел один из многочисленных министров, присутствовавших на приеме. – Говори тише!

Она проследила взглядом, куда смотрит муж, и, мягко улыбнувшись, ответила:

– Какая разница, нашу русскую речь здесь все равно никто не понимает. Но боюсь, что это единственное место, где мы можем поговорить. Дома ты отказываешься со мной общаться.

Что происходит? Скажи мне, потому что я больше не вынесу такой жизни. Ты потерял ко мне всякий интерес, избегаешь нас с сыном...

– Вот именно, – прошипел Влад. – Ты все свое время уделяешь ребенку! Так увлеклась ролью мамочки, что забыла обо всем на свете. Перестала быть той, которую я любил.

– Любил? Все прошло? Интересно, когда?

– Когда ты изменилась, – честно ответил Влад.

– А какой я должна быть? Кем я должна быть?

– С собой, – он легонько дернул ее за руку, приказывая прекратить этот разговор. – Дома поговорим.

– Нет, – воспротивилась она. – Решим все сейчас!

Внутренне она вся кипела от негодования, но внешне оставалась спокойной. Со стороны создавалось впечатление, что госпожа Романова рассказывает мужу нечто интересное и веселое. Оба улыбались, нежно касались друг друга, и в их фигурах не чувствовалось напряжения, непременно выдающего людей, ведущих серьезную беседу. Казалось, супруги говорят о чем-то незначительном, и ни один из находившихся в зале гостей не мог предположить, что в эту минуту решается дальнейшая судьба их отношений.

– Из этого положения есть выход. Мы можем расстаться.

Влад бросил на жену недоуменный взгляд:

– Я не могу оставить тебя. Ты же знаешь, что это поставит точку в моей карьере.

– Тогда убей меня, – внезапно предложила она, легко дотронувшись губами до его щеки. – Тем более что опыт в подобном вопросе у тебя имеется.

Влад проследил, как она медленно направляется к супруге посла Дарье Максимовне, предусмотрительно захватив для нее шампанское, так как та держала в руке уже пустой бокал. Он смотрел на ее изящную походку и сожалел, что не может задушить прямо сейчас, на глазах у гостей, в центре зала. Мысленно убив ее, Влад сделал глубокий вдох и поискал глазами отца, занятого беседой с министром экономики Австрии. Надо было ему послушаться своего злобного папашу, когда он много лет тому назад отговаривал его от женитьбы. А еще лучше – стереть из памяти тот день, когда он познакомился с сестрами Кирсановыми! Если бы не они, его жизнь была бы другой. И пусть он никогда не узнал бы, что такое любовь, зато не потерял бы себя.

Глава 6

Влад вернулся с приема лишь под утро следующего дня. Конечно, все гости, равно как и его жена, оказались дома намного раньше его, но он не пожелал провести ночь с Анной, поэтому, когда водитель помог ей выйти из машины, он попросил отвезти его в другое место, к своему последнему увлечению. Водитель, умный, а поэтому неболтливый малый, быстро выполнил просьбу, тем более что подобную лояльность первый секретарь весьма щедро оплачивал. Но в восемь утра машина уже ожидала босса у подъезда дома той красотки, которую он регулярно навещал последние две недели. Влад устало опустил на заднее сиденье, однако, проехав через несколько районов, он попросил шофера остановиться, решив пройтись пешком, прийти в чувство после бурной ночи.

Сара, мягко сказать, утомила его, но, разумеется, главной причиной мучившей его головной боли было огромное количество алкоголя, которое он влил в себя после приема, уже в гостях у любовницы. Влад подумал о том, что пришло время заканчивать это затянувшееся приключение. Прежде он чаще менял своих временных подружек, отсекая возможность привыкания к ним, плюс – чтобы у тех не возникло соблазна влюбиться в него. Четыре недели – наиболее оптимальный срок для завязки отношений, кульминации и быстрого охлаждения. За такой короткий срок невозможно сродниться с новым партнером, а секс не успевал надоесть, поэтому конец романа был легким для обеих сторон и не вызывал ненужных взаимных претензий.

Со своими подругами Влад вел себя очень осторожно, не называя им своего настоящего имени и рода занятий. Дипломатическая служба хороша тем, что тебя никто, кроме узкого круга людей, не знает в лицо, поэтому можно придумывать себе любую биографию. Ему нравилось каждый раз исполнять новую роль, но самой его любимой была игра в сотрудника Интерпола. Женщины особо реагировали на это слово и безоговорочно верили ему, так как Влад казался им и загадочным, и мужественным одновременно. Более того, он всегда носил элегантные костюмы, говорившие о его высоком статусе, преподносил даме не менее дорогие подарки, а потом исчезал, как и положено сотруднику секретной службы – быстро попрощавшись, а то и вовсе забыв подарить женщине последний поцелуй. К своим бывшим любовницам Влад никогда не возвращался, потому что в этом не было необходимости. Он быстро увлекался женщинами и ни к одной из них не привязывался. Подобную тактику поведения он оттачивал годами, но однажды произошло нечто, что едва не разрушило его карьеру. Случилось это в Берлине, и лишь благодаря его отцу дело замяли, а самого Влада с семьей срочно вызвали в Москву, чтобы избежать огласки. Он неудачно вступил в отношения с танцовщицей, которая также была и любовницей дипломата из США. Тот, изрядно пьяный, как-то раз приехал к посольству России и угрожал пристрелить Романова, «подкладывающего» под себя чужих женщин. С того момента Влад стал более осторожным при выборе партнеров.

Жена простила ему ту выходку. Она только что родила Сашу и все внимание уделяла ребенку. Беременность у Анны проходила тяжело, она не разрешала дотрагиваться до себя и, возможно, из-за отсутствия близости между ними поняла причину той измены мужа. Но Влад усмотрел в таком ее поведении иные мотивы. Ему показалось, что Анна остыла к нему, перестала его любить, и от этой мысли Владу стало очень больно. Он, изменивший жене более чем с двумя десятками женщин, не простил ей этой холодности.

В Москве Владу стало скучно, работа также перестала его увлекать, и он вновь вернулся к старым привычкам, хотя после неудачной интрижки в Берлине пообещал и себе, и отцу, что прекратит «походы налево». И здесь в его жизнь вновь вошла Вероника – сестра жены. Они были похожи, но вместе с тем отличались друг от друга. Собственно, именно Вероника познакомила Влада с Анной. Как она потом рассказала, она была крайне удивлена, когда он

выбрал не ее, а сестру. Их короткая интрижка быстро закончилась, едва лишь Влад увидел Анну, которая покорила его своей женственностью и целеустремленностью. Несмотря на то что Вероника выглядела намного ярче своей близняшки, к тому же обладала игривым и веселым характером, Влад стремился к Анне, которая была полной противоположностью сестры, отличалась мягкостью и спокойствием. С ней ему было хорошо и уютно, однако порою она наводила на него скуку, но этот момент быстро решался любовными отношениями на стороне.

Отец был против их брака, но Влад настоял на своем, и вскоре они поженились, а спустя два года уехали в Берлин. Анна мечтала о ребенке, но – по каким-то странным причинам – у них ничего не получалось. Врачи говорили, что они оба молоды и здоровы, однако забеременеть Анна никак не могла. Она стала одержима идеей материнства, она думала и говорила только об этом. Наверное, именно ее страстное желание и послужило началом их отдаления друг от друга. Наконец Анна с радостью сообщила мужу, что ждет ребенка, но Владу эта новость не принесла счастья, так как их отношения давно испортились – его влекли к себе другие женщины, а возможность заиметь в доме кричащего младенца вовсе не казалась ему столь радужной.

Вернувшись в Москву, он неожиданно обнаружил, что испытывает влечение к Веронике. Она часто приезжала в гости к сестре и племяннику, которого обожала. За то время, пока они не виделись, Вероника стала еще привлекательнее. Влад узнал, что она недавно вышла замуж за крупного бизнесмена Юманова, боготворившего свою молодую жену. Вероника буквально светила от счастья, однако это не помешало ей стать любовницей Влада – он проявил чудеса изобретательности, желая уложить ее в постель. Он не думал о серьезных отношениях, мечтал лишь развлечься, но вдруг страстно влюбился – и испугался этого чувства.

Мысли о Веронике, принадлежавшей другому мужчине, не давали Владу покоя, все внутри у него горело, когда она была с ним рядом, и разрывалось от боли, едва лишь она возвращалась к мужу. Влад понимал, что он не сможет жить дальше, так отчаянно мучая себя. Он уже начал ненавидеть Анну за ее вечное спокойствие и за то, что они с ребенком намертво к нему привязаны. Но было поздно что-либо менять, так как блестящая дипломатическая карьера, к которой его готовили с детства, отнюдь не предполагала скандалов в личной жизни. Здесь все должно было быть предельно четким и ясным, без порочащих репутацию темных пятен, вызванных громкими разводами. Влад видел, что Вероника страдает не меньше его самого. Похоже, они оба заигрались в любовь, поняли, что продолжать отношения они не могут, но и жить друг без друга – тоже не в состоянии.

Переходя через улицу, Влад едва не попал под колеса автомобиля, резко затормозившего перед его носом. Вежливо наклонив голову, он извинился перед водителем за свою невнимательность и двинулся вперед. Странно, но Влад даже не заметил, как он добрался до дома. Пожалуй, сегодня он впервые спокойно вспомнил о том, что произошло год тому назад, до их переезда в Вену. Так мало времени прошло, но ему показалось, что между этим утром и тем – полностью изменившим его жизнь, – пролетела целая вечность. Время чертовски коварно, так как, с одной стороны, оно заставляет о многом забыть, но с другой – вынуждает человека всю его оставшуюся жизнь мучиться от осознания совершенных им ошибок.

У подъезда он остановился и посмотрел на часы. У него был час на то, чтобы принять душ, сменить костюм и, освежившись, предстать перед господином послом. В двенадцать часов ожидался деловой визит главы диппредставительства Испании. Влад был уверен, что все пройдет гладко, так как чрезвычайный являлся опытным дипломатом: он лучше, чем кто-либо другой, умел вести беседу в таком ключе, чтобы выгоду получили обе стороны. Поэтому Влад не переживал о том, каким окажется уже начавшийся день. Единственное, о чем он думал в эту минуту, – это о прохладном душе и завтраке. К счастью, дома в этот момент никого не было: сын с няней уже уехали на прогулку, а жена уделяла время самой себе. Значит, его ждут пустая квартира и тишина.

* * *

В подъезд семиэтажного дома, стоявшего напротив того, где обитала семья Романовых, вошла невысокая женщина в старой серой куртке и в потертых джинсах. На плече у нее висела холщовая сумка, и женщина легонько придерживала ее локтем. Она выглядела совершенно неприметной, без косметики на лице, а какого цвета ее волосы, никто не мог бы сказать, потому что женщина спрятала их под вязаную шапочку, натянутую по самые брови. Ее появления в подъезде никто не заметил, так как большинство жильцов давно разъехались по своим рабочим местам, а оставшиеся дома не имели привычки и намерения подглядывать в дверные глазки.

Женщина поднялась на последний этаж, затем по узкой лестнице пробралась на чердак. Оттуда она вышла на крышу, остановилась перед слуховым окном и открыла его. Пригнувшись, она сняла с плеча сумку, вытащила из нее плотную подстилку и расстелила ее на холодной крыше. Затем она легла на спину и достала из сумки части винтовки, завернутые в ткань. Неспешно соединила их, прикрутила глушитель, установила оптику и перевернулась на живот. Пятнадцать минут у нее ушло на то, чтобы отрегулировать все комплектующие «под себя» и осмотреться. Окна квартиры Романовых, находившейся на седьмом этаже, идеально просматривались, но самым главным было то, что ее сестра с мужем жили на последнем этаже. Это означало, что лишних свидетелей, проживающих этажами выше, которые могли бы случайно увидеть человека с винтовкой в слуховом окне, здесь не имеется.

Сквозь прицел женщина наблюдала за тем, как госпожа Романова кормит сына. Потом пришла нянька. Через некоторое время нянька с мальчиком вышли из подъезда и направились к ближайшему парку. Романова пробыла в квартире еще двадцать минут, быстро нарядилась и удалилась. Домой она должна была вернуться не раньше чем в двенадцать часов. Вскоре домой пришел Влад. Женщина наблюдала за тем, как он вошел в спальню, сбросил пиджак и направился в ванную комнату. Окна спальни и гостиной выходили как раз на ту сторону, где стоял соседний дом. Квартира просматривалась как на ладони, что позволяло снайперу полностью контролировать все происходившее в ней.

Влад вышел из ванной комнаты обнаженным. Он держал в руках полотенце, быстро вытер им мокрые грудь и бедра, потом энергичными движениями встряхнул волосы. Женщина наблюдала за ним, вспоминая каждую линию его тела, до которого она много раз дотрагивалась. Она навела прицел на его лицо и на миг задержала взгляд. Свежий после душа, с еще влажными волосами, Влад был хорош собой. Она внимательно вгляделась в его глаза, заметила новые морщинки в уголках век, усталые складки возле губ и опавшие щеки. Да, пожалуй, она погорячилась с оценкой его внешности. Влад заметно постарел. Хотя – поймала она себя на мысли – ей просто хочется думать, что он сильно изменился за последний год. Так легче воспринимать происходящее. Может, в его душе появилось какое-то сожаление, а, возможно, он давно обо всем забыл и просто радуется жизни.

Поняв, что она напрасно тратит время, поддаваясь эмоциям, женщина быстро перевела прицел на его обнаженную грудь, как раз в область сердца, и нажала на курок. Потом быстро выстрелила еще раз – в голову. Промежуток между первым и вторым выстрелом был настолько минимальным, что Влад даже не успел покачнуться. Стекло в окне не разбилось, в нем лишь появились две маленькие дырочки, глушитель тоже поглотил звуки выстрелов.

Женщина осмотрелась по сторонам, быстро разобрала винтовку и затолкала ее части в сумку, сверху положила покрывало, на котором она лежала. Три минуты ей понадобилось, чтобы спуститься вниз, и еще две, чтобы удалиться на безопасное расстояние от дома. Дальше начиналась оживленная пешеходная улица, и она мгновенно затерялась в толпе.

Глава 7

– Как?! – кричал Валерий Алексеевич. – Объясни мне, Женя, как можно быть такой безответственной?!

Он со злостью схватил с соседней кровати подушку и бросил ею в дочь.

– Папа! – Женя быстро подскочила и скривилась от боли, пронзившей ее перевязанное колено. – Прекрати! Не знаю, как это получилось.

– Нельзя играть с горами! Они не прощают шуток и терпеть не могут тех, кто не считается с их мощью. Для чего ты полезла на эту трассу? Показать свой крутой нрав Лукову?!

– Да! – Женя решила продемонстрировать отцу свою честность, но это прозвучало как вызов.

– Идиотка! – Субботин увидел в глазах дочери слезы и сразу же успокоился. – Прости за это слово, но оно очень точно тебя характеризует. Не понимаю, дорогая! Ты – сильная, смелая, самодостаточная женщина. Неужели непонятно, что таким, как ты, вовсе не нужно доказывать свое превосходство над другими? Ты – лучшая! Зачем кого-то убеждать в этом?

– Я не такая, – Женя вытерла мокрые щеки.

– Да, – согласился Валерий Алексеевич, – сегодня ты такой не была. Ты была дурочкой, которая из кожи вон лезла, чтобы привлечь внимание человека, не замечающего никого, кроме собственной персоны. И у тебя это получилось! Ты во всей красе показала ему свою глупость и навязчивость.

Женя опустила голову, чтобы не видеть разочарования в глазах отца. Впервые в жизни ей стало стыдно за свое поведение. Слова отца причиняли ей нестерпимую боль, в сравнении с которой травма колена, полученная после неудачного спуска, казалась Жене несущественной. Она осторожно пошевелила ногой и прикусила губу, сдерживая стон.

– Больно? Наука тебе на будущее: ни один человек в этом мире не стоит твоего здоровья и тем более жизни. Боже, страшно вспомнить, как ты летела вниз! Я думал, что ты себе шею свернешь!

Возможно, со стороны падение и выглядело ужасным, но сама Женя ничего не поняла в ту минуту. Это была всего лишь игра, в которой она переоценила свои возможности. Гонка на ровной местности слишком отличается от горнолыжного спорта. Здесь действуют другие законы, и Женя, к сожалению, их не учла. Желая продемонстрировать свои умения в скоростном спуске, она вылетела с трассы, которую плохо знала, и почти десять метров летела вниз, кувыркаясь в воздухе, как неопытный спортсмен по фристайлу. Хорошо, что крепления на лыжах щелкнули и отпустили ботинки, иначе последствия были бы намного серьезнее, чем растяжение крестовидной связки. Повезло ей также и в том, что их разрыва врачи не диагностировали, значит, имелась возможность быстро восстановиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.